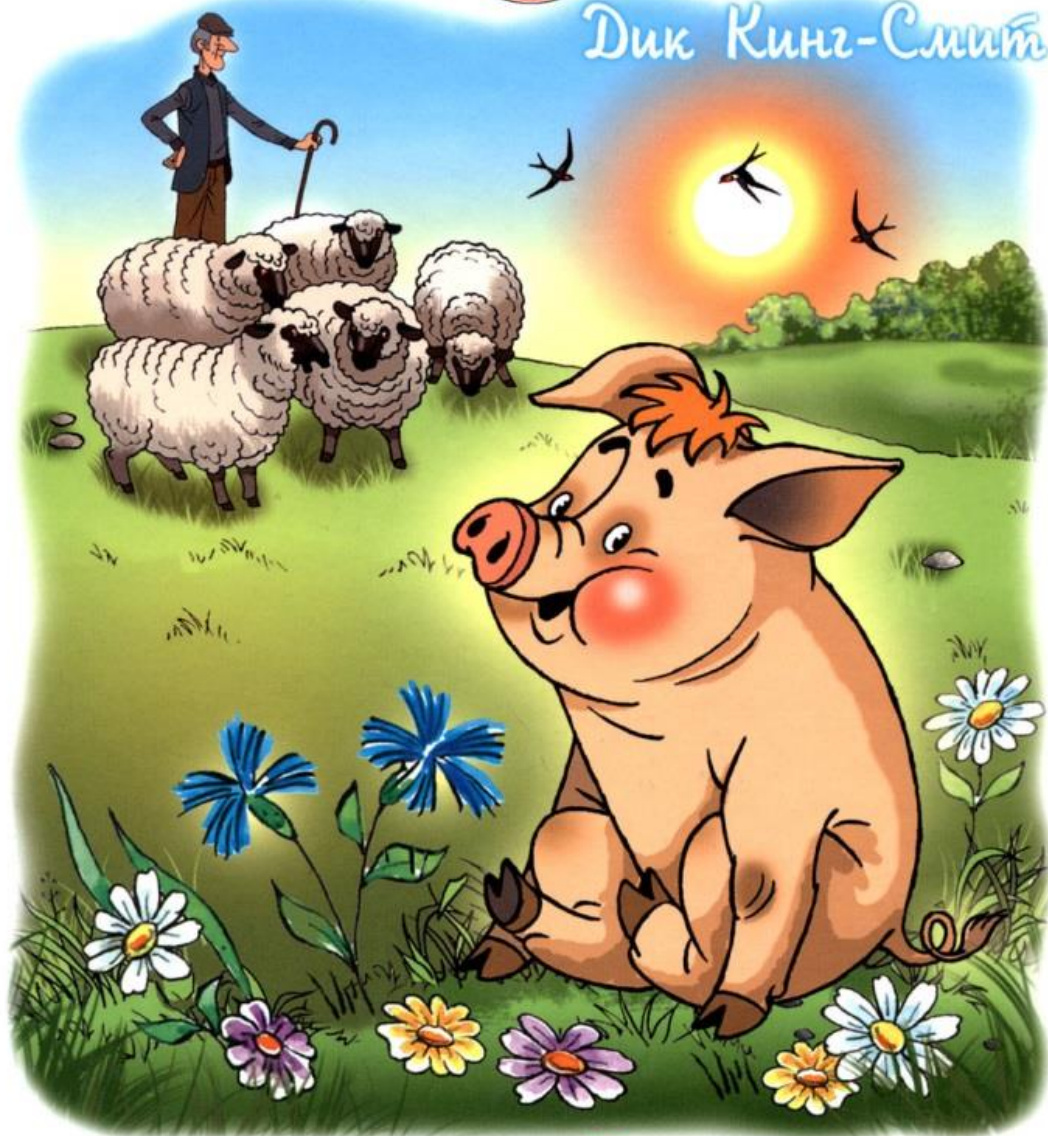

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Дик Кинг-Смит

ПОРОСЁНОК БЕЙБ

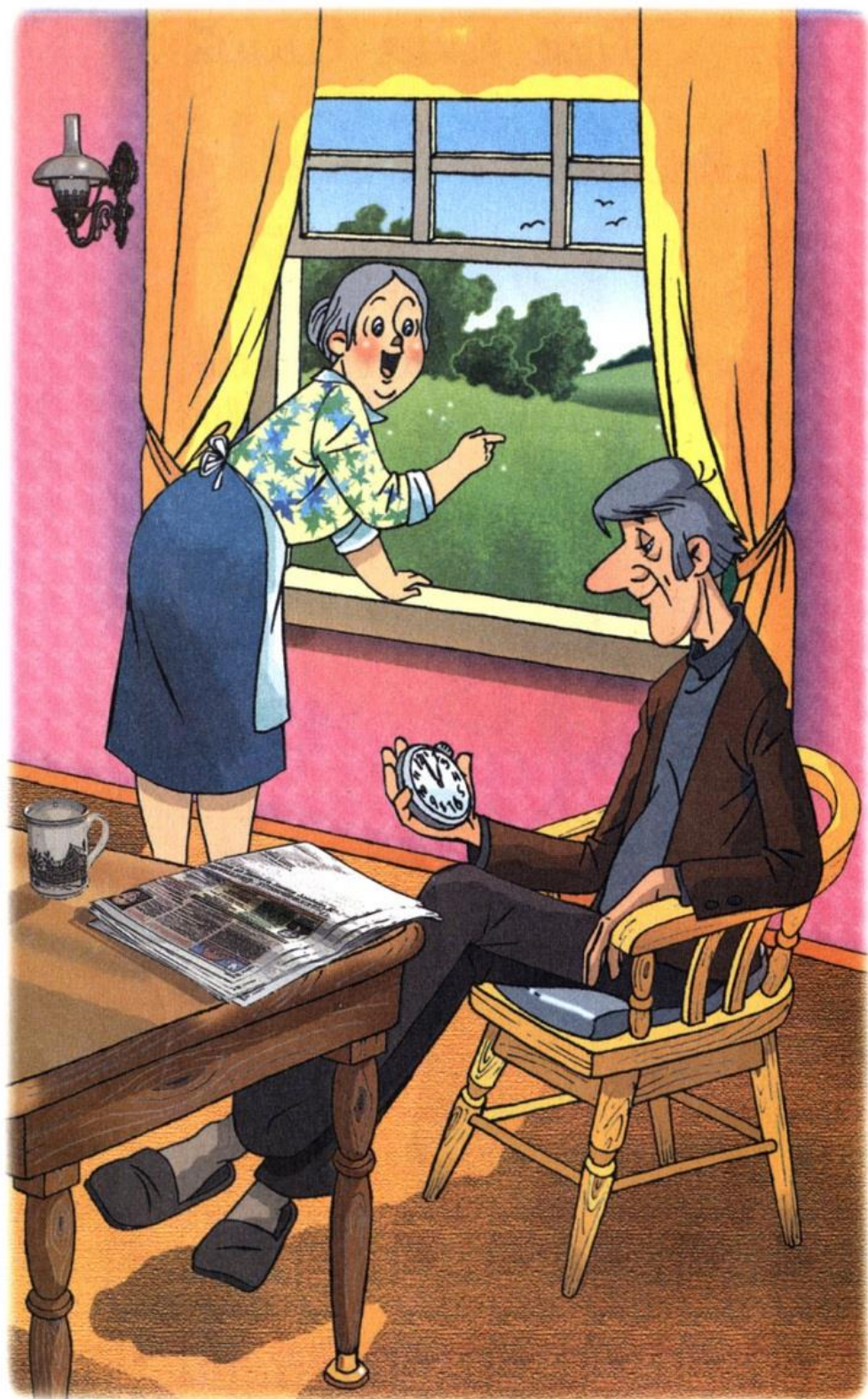
ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Дик Кинг-Смит
**ПОРОСЁНОК
БЕЙБ**

Перевод с английского
Маргариты Арсеньевой

Художник
Аркадий Шер

«УГАДАЙ МОЙ ВЕС!»

– **Что** это за шум? – сказала миссис Хоггет, высунув добродушное, круглое, румяное лицо в кухонное окошко. – Слушай, вот опять, слышишь, шум, гам, можно подумать, кого-то режут, о Господи, что же это такое, послушай!

Фермер Хоггет прислушался. Снизу, из обычно тихой долины, доносилась мешанина звуков: «умпа-умпа» духового оркестра, крики детей, стук и грохот кегельбана и время от времени очень высокий, очень громкий, очень негодующий визг, длящийся секунд десять.

Фермер Хоггет вынул старые, с блюдце величиной, карманные часы и посмотрел на них.

– Открытие ярмарки в два, – сказал он. – Это ярмарка началась.

– Мне это известно, – сказала миссис Хоггет, – потому что я опаздываю со всеми этими пирогами, джемами, соленьями и вареньями, которым пора быть уже на прилавке, и хотела бы я знать, доставишь ли ты их туда наконец, но прежде ответь: что это за шум?

Опять раздался визг.

– Этот шум?

Миссис Хоггет несколько раз энергично кивнула головой. Она всегда всё делала на полную катушку, говорила ли, просто ли головой кивала. Фермер Хоггет, напротив, никогда не тратил слов попусту и свою энергию тоже.

– Поросёнок, – сказал он.

Миссис Хоггет закивала ещё чаще.

– Я так и подумала, что это поросёнок, так и подумала, да ведь никто в округе не держит поросят, на мили вокруг только овцы, откуда, думаю, тут поросёнку взяться, можно подумать, они режут беднягу, разужнай, взгляни, когда по-

везёшь всё это вниз, уж давно пора тебе, иди же, помоги, это можно положить в багажник, хорошо, что нет дождя, как бы не помять, вытирай подошвы, когдаходишь в дом.

– Ладно, – сказал фермер Хоггет.

Он съехал вниз и доставил свой груз к прилавку. Покончив с этим, он пересёк лужайку, миновал играющих в кольца и другие игры, оркестр, кегельбан и в дальнем углу, у стены церковного двора увидел небольшой загон, из которого и раздавался визг.

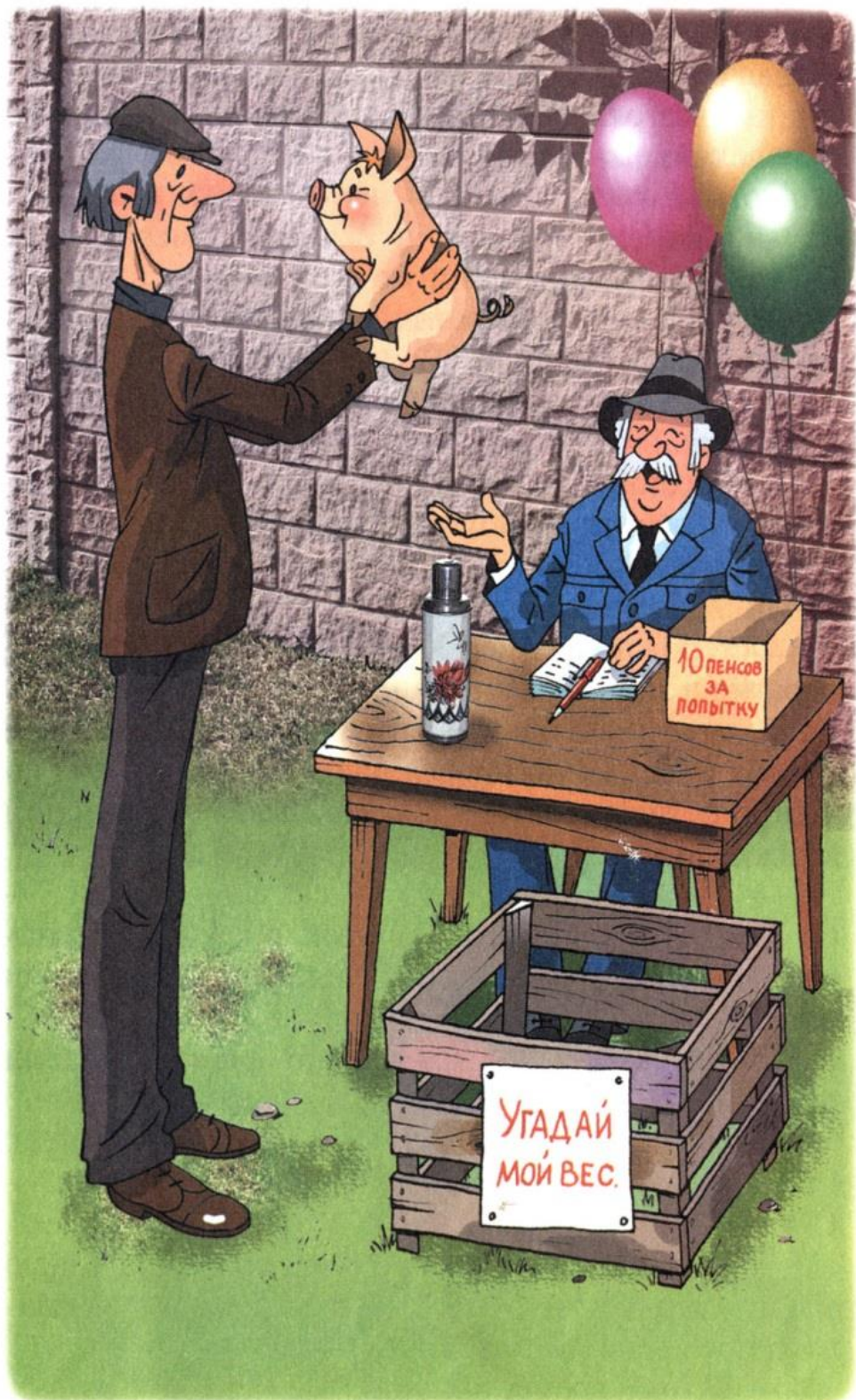
Около загона сидел викарий, в руках у него была записная книжка, на столе перед ним стояла картонная коробка. На изгороди висел листок бумаги, где было написано: «Угадай мой вес. Десять пенсов за попытку». Внутри загона был маленький поросёнок.

Фермер Хоггет видел, как какой-то мужчина перегнулся через загородку, вытащил поросёнка из загона и, держа его в обеих руках, сосредоточенно, наморщив лоб и сжав губы, прикидывал вес. А поросёнок брыкался как ошале- лый и орал благим матом. Как только его поставили на землю, он мгновенно затих. Его глаза, такие смышленные, встретились со взглядом фермера. Оба почувствовали рас- положение друг к другу.

Один увидел высокого худощавого человека с загорелым лицом и на очень длинных ногах, другой увидел маленькое толстенькое бело-розовое существо с очень короткими ножками.

– А, прошу, мистер Хоггет! Попробуйте! – сказал ви- карий. – Как знать, может быть, он будет вашим, всего за десять пенсов. Если вы правильно определите его вес, то к концу дня сможете забрать его домой!

– Свиной не держу, – сказал фермер Хоггет. Он протянул свою длинную руку и почесал поросёнку спинку. Осторожно он поднял его и держал на уровне своего лица.

10 ПЕНСОВ
ЗА
ПОПЫТКУ

УГАДАЙ
МОЙ ВЕС.

Поросёнок оставался совершенно спокойным и молчал.
– Странно, – сказал викарий. – До этого каждый раз, как кто-нибудь его подымал, он визжал как очумелый. Кажется, вы ему нравитесь. Вы должны попытаться угадать его вес.

Осторожно фермер Хоггет поставил поросёнка обратно в загон. Не спеша он достал из своего кармана десятипенсовик и опустил его в картонную коробку. Медленно провёл пальцем сверху вниз по колонке цифр, которые уже были в записной книжке викария.

– Полный разнобой, – сказал викарий. – От двадцати до сорока фунтов пока. – Он написал «Мистер Хоггет» и ждал, держа карандаш наготове.

И опять медленно, бережно фермер поднял поросёнка.

– Тридцать один фунт, – сказал фермер Хоггет. Он поставил поросёнка на землю и добавил: – С четвертью.

– Тридцать один фунт с четвертью. Благодарю вас, мистер Хоггет. Мы будем взвешивать этого малого примерно до половины пятого.

– К тому времени я уйду.

– Ничего, мы всегда можем вам позвонить. Если вам повезёт и вы его выиграте.

– Никогда ничего не выигрывал.

Когда он пошёл по лужайке обратно, снова раздался поросячий визг. Видно, опять кто-то угадывал вес.

– Ты никогда ничего не выигрывал, – говорила миссис Хоггет за чаем, когда муж, весьма немногословно, объяснил ей суть дела, – хотя я частенько подумывала, что неплохо бы завести поросёнка, мы могли бы скормливать ему объедки, он бы набрал вес как раз к Рождеству, представь-ка, пара хороших окорочков, грудинка, свиные отбивные, почки, ливер, требуха, ножки, кровь соберёшь для чёрного пудинга, телефон.

Фермер Хоггет поднял трубку.

– О, – сказал он.

«ВОТ ТАК. ХОРОШО?»

На фермерском дворе Флай, чёрно-белая колли, приступила к воспитанию своих четырёх щенят. Они уже несколько дней проявляли инстинктивный интерес ко всему, что двигалось. Например, гонялись за проползающими мимо жуками, заставляли их ползти вправо, влево, как будто пасли. Теперь, как считала Флай, они были уже готовы и для кого-нибудь покрупнее.

Она дала им задание потренироваться на утках мистера Хоггета.

Щенки уже начали двигаться как собаки-овцепасы, больше красться, чем ходить, пригнув головы, насторожив уши, уставившись на птиц, которые сердито крякали, когда щенята гоняли их по двору.

– Молодцы, ребятки, – сказала Флай. – Теперь оставьте их в покое. Хозяин приехал.

Утки, ропща и негодуя, направились к пруду, а собачье семейство следило, как фермер вышел из «лендровера», как он вытащил что-то из корзины и понёс в хлев.

– Что это такое, мамочка? – спросил один из щенят.

– Это поросёнок.

– Что хозяин будет с ним делать?

– Съест, – сказала Флай, – когда поросёнок станет достаточно большим.

– А нас хозяин не съест? – спросил обеспокоенно другой. – Когда мы будем достаточно большими?

– Господь с тобой, – сказала мать. – Люди едят только глупых животных. Таких, как овцы, коровы, утки, куры. А умных, таких, как собаки, они не едят.

– Значит, свиньи глупые? – спросили щенки.

Флай колебалась. С одной стороны, рождённая и выросшая в местности, где разводили овец, она, по сути, ни-

когда лично не была знакома со свиньями. С другой стороны, как большинство матерей, она не хотела предстать несведущей перед детьми.

– Да, – сказала она. – Глупые.

Тут из кухонного окна раздалась длинная очередь слов, будто строчил пулемет. В ответ прозвучал единственный выстрел из конюшни. Появился фермер Хоггет и большими шагами пошёл через двор по направлению к дому.

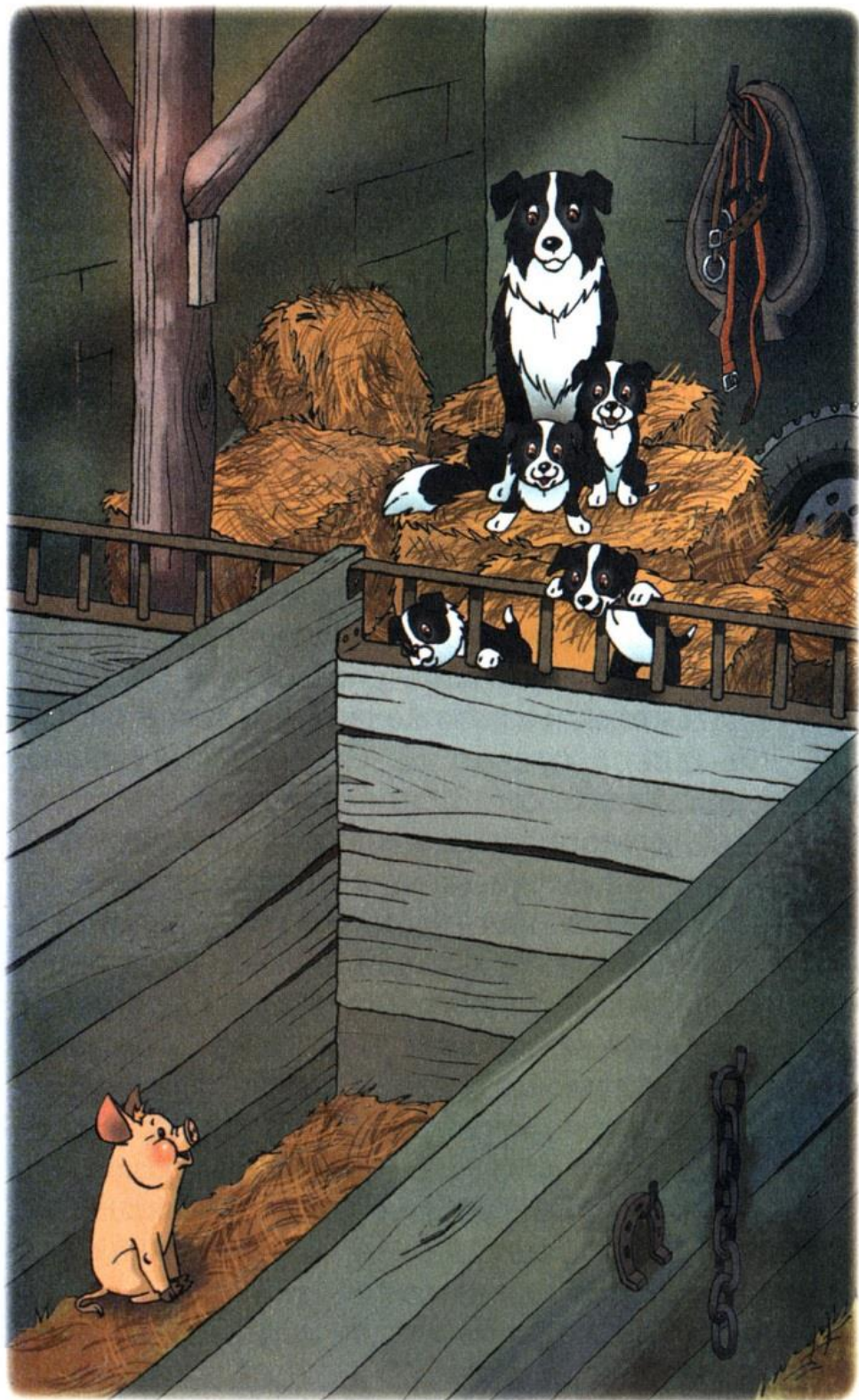
– Идёмте, – сказала колли. – Я вам покажу.

Лошадиное копыто не ступало в конюшню много лет, однако это было подходящее место для хранения всякого хлама. Неподалёку кормились куры и порой несли яйца в старые деревянные ясли; ласточки лепили гнёзда под балками крыши, принося грязь из пруда; мыши и крысы в этом приюте наслаждались жизнью, пока кошки не обрывали её. В одном конце конюшни было два денника с дощатыми стенками и железными рейками наверху. Один служил конурой для Флай и щенят. В другом иногда помещали заболевшую овцу. Здесь-то фермер Хоггет и запер поросёнка. Взобравшись на сложенное около денника сено, собаки могли хорошо видеть поросёнка через решетку.

– Он и вправду выглядит глупым, – сказал один из щенков, зевнув.

Услышав это, поросёнок взглянул вверх. Он склонил голову набок и внимательно разглядывал собак. Вид этого маленького существа, одиноко стоящего посреди просторного денника, тронул доброе сердце Флай. Она уже пожалела, что назвала свиней глупыми, потому что этот, например, определённо таким не казался. Было даже какое-то достоинство в том, как он себя держал в незнакомом месте, перед незнакомыми животными. Совсем не так, как пустоголовые овцы, которые при виде собак принялись бы бестолково носиться и кричать: «Волк! Волк!»

– Здравствуй, – сказала она. – Ты кто?

– Я Large White¹, – ответил поросёнок.

– Иди ты! – сказал один из щенков. – Если это большой белый, то кто же тогда маленький? – И все четверо захихикали.

– Тихо! – гавкнула Флай. – Помните, что пять минут назад вы даже не знали, что такое поросёнок. – А поросёнку она сказала мягко: – Я полагаю, что это твоя порода, дорогой. А я имела в виду твоё имя.

– Я не знаю, – сказал поросёнок.

– Ну как твоя мама тебя называла, чтобы отличить от братьев и сестёр? – спросила Флай и пожалела об этом, потому что упоминание о семье расстроило его.

Маленький лобик наморщился, он проглотил комок и ответил дрожащим голосом:

– Мама называла нас всех одинаково.

– Ну и как же, дорогой?

– Бейб², – сказал поросёнок, и щенята опять захихикали, пока мать на них не зарычала.

– Но это прелестное имя, – сказала она. – Тебе понравится, если мы будем тебя так называть? Чтобы ты чувствовал себя как дома.

При этих словах поросёнок наморщился ещё больше.

– Я хочу к маме, – сказал он очень тихо.

В этот момент колли решила, что она будет заботиться о бедном дитяти.

– Идите-ка во двор, поиграйте, – велела она щенкам.

Она забралась на самый верх соломенной кучи и прыгнула через перила в денник к поросёнку.

– Послушай, Бейб, – сказала она. – Тебе надо быть храбрым. Каждый должен расставаться с матерью, все так взрослеют, так уж заведено. И со мной так было, когда

¹ Большой белый – порода свиней. (Здесь и далее – примеч. пер.)

² Babe (англ.) – малыш.

мне было столько, сколько тебе. И моим щенкам скоро придётся со мной расстаться. Но я буду о тебе заботиться. Если ты захочешь.

Она лизнула его маленький пяточок тёплым шершавым языком и помахала пышным хвостом.

– Вот так. Хорошо? – спросила она.

Чуть позже фермер Хоггет пришёл на конюшню вместе с женой – показать ей свой приз. Они посмотрели через дверку денника и, к своему изумлению, увидели, что Флай свернулась вокруг поросёнка. Измученный переживаниями этого дня, он крепко спал рядом со своей благоприобретённой приёмной матерью.

– Ну посмотри-ка! – умилилась миссис Хоггет. – Эта старая Флай для всех мамаша – для котят, утят, цыплят, обо всех-то она заботится, теперь этот поросёнок, какой он славный, ну что за картина, хорошо, что он не знает, чем всё это закончится, но вот станет он большим и получится из него много ветчины, как же мне затолкать всё это в морозилку?

– Да, жаль, – сказал мистер Хоггет рассеянно.

Миссис Хоггет отправилась опять к себе на кухню и, пока шла по двору, всё покачивала головой, думая о том, какой мягкосердечный у неё муж.

Фермер открыл дверку денника и, не тратя зря слов, щелкнул пальцами, чтобы колли вышла.

Как только Флай пошевелилась, поросёнок проснулся и последовал за ней, как приклеенный, так близко, что его пяточок дотрагивался до кончика её хвоста. От неожиданности фермер Хоггет даже заговорил.

– Флай! – сказал он изумлённо.

Послушно, как всегда, колли повернулась и пошла к нему. Поросёнок поспешил за ней.

– Сидеть! – приказал фермер Хоггет.

Флай села. И Бейб сел. Фермер Хоггет почесал затылок. Он не знал, что и думать.

«ПОЧЕМУ БЫ И МНЕ НЕ НАУЧИТЬСЯ?»

К концу дня фермеру Хоггету стало ясно, что нравится ему или нет, но у Флай теперь не четыре, а пять детёнышей.

Весь длинный летний вечер Бейб ходил за Флай по двору, среди построек. Бесцельно, как казалось наблюдавшему за ним фермеру. На самом деле всё было неслучайно. Это была ознакомительная экскурсия. Флай знала, что если её приёмышу будет позволено бегать по двору и он будет вверен ей, чего он явно жаждал, то ему надо побыстрее здесь освоиться. А значит, надо научить его, вместе со щенками, вести себя как хорошая собака. Он был очень способным учеником.

– Хоть ты и поросёнок, Бейб, – начала она, – но если ты будешь делать, как я тебе велю, то я думаю, что хозяин не будет держать тебя взаперти и позволит бегать с нами. Он добрый человек, наш хозяин.

– Я понял это, – сказал Бейб, – когда он впервые поднял меня. Я это почувствовал. Я знал, что он не причинит мне вреда.

– Вот подожди... – начал один из щенков и сразу смолк, потому что его мать предупреждающе зарычала. Она ничего не сказала, но все четверо её детей немедленно поняли, что имелось в виду.

– Чего подождать? – спросил Бейб.

– Р-р... подожди с полчасика, и мы вместе всё тут обойдём и всё тебе покажем, – сказал щенок поспешно. – Да, мам?

Итак, Бейбу показали на дворе все постройки и представили всем животным, которые здесь жили, – уткам, курам и другим птицам, а также кошкам. Ни одной овцы он не увидел, потому что они были на пастбище.

В первый же час он получил несколько полезных уроков, которые щенки уже усвоили: что кошки царапаются, а куры клюются, что если повернешься спиной к индюку, то получишь по задку, что цыплята существуют не для того, чтобы за ними гоняться, а яйца не для того, чтобы их есть.

– Делай как я, – сказала Флай, – и все будет хорошо.

Она подумала немного.

– Хотя есть один момент, Бейб! – сказала она и посмотрела на заднюю дверь фермерского дома. – Если я войду туда, ты оставайся снаружи и жди меня, понял?

– Свиньям туда нельзя? – спросил Бейб.

– Живым нельзя, – сказал один из щенков, но сказал он это шепотом.

– Нет, дорогой, – сказала Флай. «Во всяком случае, пока, – подумала она, – но если так и дальше пойдет, я ничему не удивлюсь; надо же, я и в самом деле горжусь им, он все усваивает так быстро, прямо как собака-овцепас».

В ту ночь денник, куда сначала поместили Бейба, был пустым. А рядом на соломе спали вместе все шестеро. Жене фермер Хоггет не сказал, что пожалел поросенка и не стал запираить его отдельно, видя, как счастлив он в компании собак.

Щенкам поначалу эта идея не понравилась.

– Мама! – возмутились они. – Он же намочит постель!

– Глупости! – сказала Флай. – Если ты захочешь кое-что сделать, дорогой, выйди наружу, будь хорошим мальчиком.

«Чуть не сказала – «будь хорошим щенком», – подумала она. – Что же дальше!»

Мало-помалу Бейб стал во многом схож с собаками. Он подходил к фермеру вместе с Флай и садился, он предпочитал собачью еду, и фермер Хоггет, когда похлопывал его по спине, поймал себя на мысли, что не удивился бы, если бы Бейб завилял хвостиком. Не удивился бы фермер,

если бы Бейб пошел за Флай, когда позвал ее на утренний обход пастбища, но Бейб остался в конюшне и играл со щенками.

– Ты останешься с детьми, Бейб, – сказала Флай, – пока я посмотрю, как там овцы. Я скоро вернусь.

– Что такое овцы? – спросил поросенок, когда она ушла.

Щенята кувыркались на соломе.

– Ты что, не знаешь, дурачок? – спросил один.

– Овцы – это животные с густой шерстью.

– У них и головы набиты шерстью.

– И этих тупиц мы пасем, – сказал четвертый.

– Почему? – спросил Бейб.

– Потому что мы собаки-овцепасы! – закричали они все вместе и выкатились во двор.

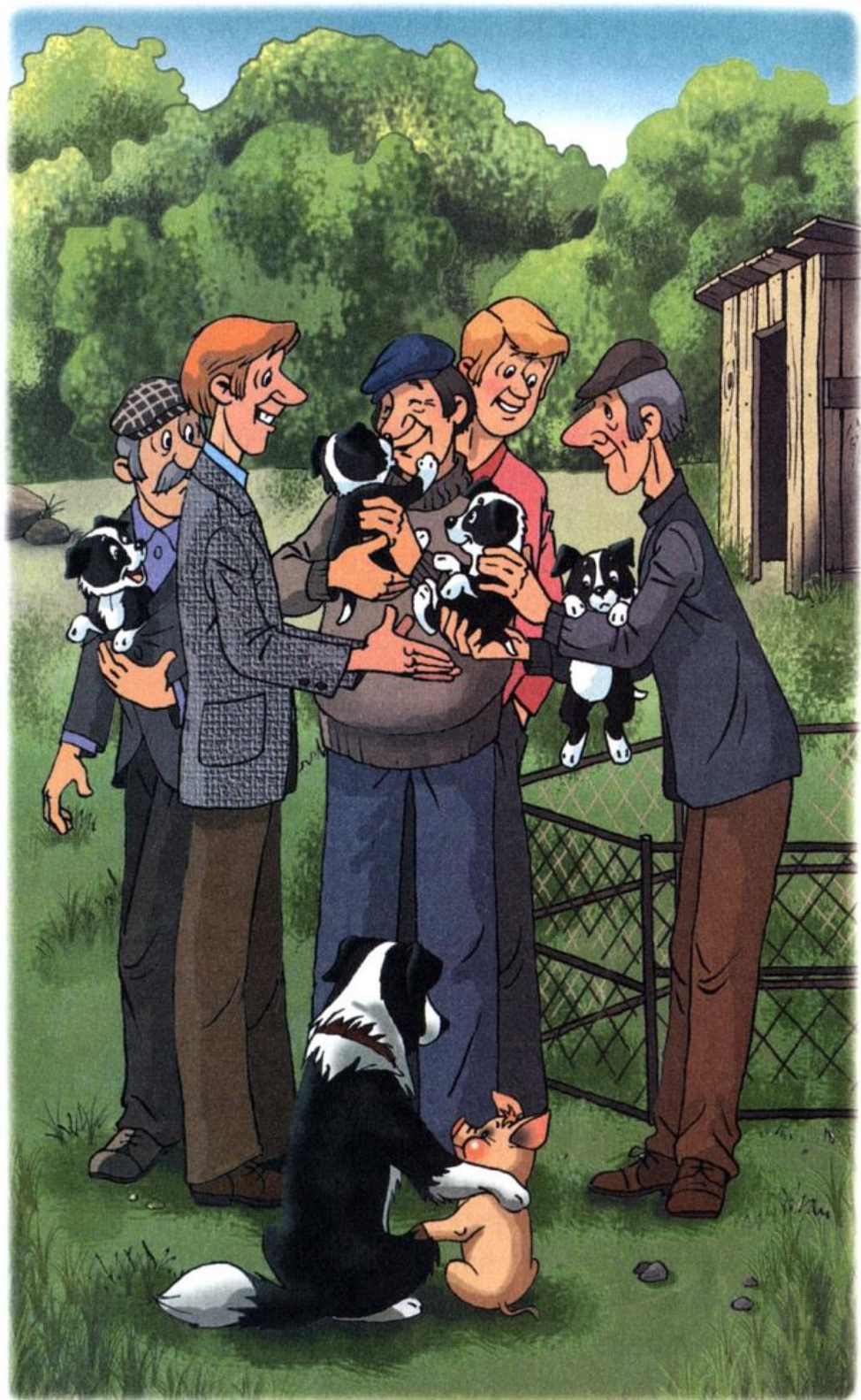
В последующие недели своей жизни на ферме у Хоггета Бейб немало размышлял об овцах и собаках-овцепасах. Между тем щенки подросли, и было дано объявление о продаже. Флай старалась до того, как они начнут самостоятельную жизнь, научить их всему, чему могла. Ежедневно она заставляла их практиковаться на утках, а Бейб сидел рядышком с ней и с интересом наблюдал. День ото дня их умение возрастало, а утки теряли вес и терпение.

Потом один за другим пришли четыре фермера, четыре высоких длинноногих человека, от которых пахло овцами. Каждый взял своего щенка и заплатил деньги. Флай сидела и смотрела, как уносят её детей. Для них начиналась трудовая жизнь.

Как всегда, ей было больно расставаться с каждым из них, но в этот раз, после того как и последнего унесли, она была не одна.

– Как хорошо, дорогой, – сказала она Бейбу, – что у меня есть ещё ты.

«Но не так уж долго это продлится, – подумала она. – Бедный малыш, месяцев через шесть его зарежут. По край-

ней мере, он об этом не подозревает». Она с любовью посмотрела на него, на этого приёмыша, который называл её теперь «мама». Перенял, конечно, от щенков, но ей приятно было это слышать, и теперь больше, чем прежде.

– Мама, – сказал Бейб.

– Да, дорогой?

– Они будут пасти овец, так ведь?

– Да, дорогой.

– Потому что они овцепасы. Как ты. Ты приносишь пользу хозяину, потому что ты овцепас?

– Да, дорогой.

– Мам!

– Да, дорогой?

– Почему бы и мне не научиться быть овцепасом?

«ТЫ ВЕЖЛИВЫЙ ЮНОША»

Когда забрали последнего щенка, утки, наконец, вздохнули свободно. Они предвкушали мирные дни. На следующее утро Флай и Бейб спустились к пруду, уселись и следили, как птицы ныряют и плещутся в мутной зелёной воде. Утки были спокойны. Они знали, что старая собака не станет их тревожить, а на странное существо рядом с ней они не обращали внимания.

– Через минуту они выйдут и направятся во двор, – сказала Флай. – Тогда ты можешь попытаться загнать их обратно, если хочешь.

– О да, конечно! – с азартом откликнулся Бейб.

Колли посмотрела на приёмышу с любовью.

Ну что за идея – поросёнок-овцепас! От одного его вида стадо, пожалуй, убежит в другое графство. На таких маленьких коротких ножках ему овец не догнать. Пусть поиграет с утками один-два дня, а там и забудет.

Когда утки действительно вышли из воды и шумно прошествовали мимо поросёнка, она ожидала, что он кинется за ними, как поначалу обычно делали щенки. Но он сидел спокойно, насторожил уши и смотрел на неё.

– Хорошо, – сказала Флай. – Давай посмотрим, как у тебя получится. Первое: ты должен держаться позади них, как это делаю я с овцами.

Если хозяин хочет, чтобы я была справа (это та сторона, где конюшня), он говорит «Заходи справа». Если он хочет, чтобы я была слева (это со стороны навеса для сена), он говорит «Заходи слева». Понял?

– Да, мама!

– Ну хорошо. Заходи справа, Бейб! – скомандовала Флай.

Поначалу усилия Бейба увенчались некоторым успе-

хом. Проблем с тем, чтобы обойти уток, не было. Даже своим забавным галопом (как у лошадки-качалки) он бежал гораздо быстрее, чем они. Но вернуть всю стаю к Флай оказалось нелегко. То он слишком напирал на них, и они разлетались в разные стороны; то был слишком осторожен, осаживал себя, и тогда они вперевалку по двое, по трое удалялись.

– Иди отдохни, дорогой, – позвала его Флай немного погодя. – Оставь этих дур, не стоит из-за них огорчаться.

– Да я не огорчаюсь, мама! – сказал Бейб. – Просто мне непонятно, почему они не обращают внимания на то, что я им велю. Почему?

«Потому, что не для этого ты рождён, – подумала Флай. – У тебя нет инстинкта подчинять их себе, заставить их делать то, что ты хочешь».

– Ещё не пришло время, Бейб, дорогой, – произнесла она вслух.

– А как ты считаешь, если я их вежливо попрошу...

– Попросить их вежливо! Что ты! Представить только, что я проделываю это с овцами – «пожалуйста, пройдите в ворота», «не будете ли вы так любезны пройти в загон?». О нет, дорогой, так ты ничего не добьёшься. Ты должен приказывать им, будь то утки или овцы. Они глупы, а собаки умны, вот что ты должен помнить!

– Но я поросёнок.

– Свиньи тоже умные, – сказала Флай убеждённо. «Вежливо попросить, – подумала она. – Что же дальше!»

А дальше, то есть несколько позднее в то утро, Бейб впервые увидел овцу.

Фермер Хоггет и Флай были на пастбище, а когда вернулись, Флай вела перед собой старую хромую овцу. Её загнали в денник, где поначалу был заперт поросёнок. Потом хозяин с собакой опять поднялись на холм.

Бейб направился на конюшню. Ему было любопытно

познакомиться с овцой, ведь он намеревался когда-нибудь начать с ними работать. Но он не мог заглянуть в стойло. Он засопел под дверью, и изнутри послышался кашель и беспокойный топот копыт, а затем хриплый жалобный крик:

– Волки! Волки! Нет от них покоя. Постоянное ворчанье, придирки, иди туда, иди сюда, делай это, делай то, и так целый день. Что теперь тебе нужно? Можешь ты дать мне немного отдохнуть, волк?

– Я не волк, – сказал Бейб под дверью.

– О, всё это мне знакомо! – сказала овца раздраженно. – Называет себя собака-овцепас. Как же! Но ты меня не проведёшь. Ты волк, как и те, другие, себе на уме. Ты смотришь на нас и видишь бараньи отбивные. Пошёл прочь, волк!

«Мама права, – подумал Бейб, – они и вправду глупые. Но если я собираюсь стать овцепасом, я должен научиться понимать их. Надо воспользоваться случаем и подружиться с этой овцой».

– Но я и не собака-овцепас вовсе, – сказал он, вскарабкался на солому и заглянул в денник. – Видишь теперь?

– Надо же, действительно! – согласилась овца, уставившись на него. – Ты кто?

– Поросёнок, мое имя Бейб. А твоё? – спросил он.

– Мааааа, – проблеяла овца.

– Хорошее имя, – сказал Бейб. – А что с тобой случилось, Ма?

– Нарыв на ноге, – объяснила овца, поднимая переднюю ногу. – И ужасный кашель. – Она закашлялась. – И я уже не так молода, как когда-то.

– Ты не кажешься мне очень старой, – вежливо сказал Бейб.

На унылой овечьей морде промелькнуло довольное выражение.

– Весьма учтиво с твоей стороны, – сказала она и легла на солому. – Первое доброе слово, которое я слышала с тех пор, как была маленьким ягнёнком. – Она громко отрыгнула и начала жевать жвачку.

Не совсем сознавая почему, Бейб ничего не говорил Флай о своём разговоре с Ма. Фермер Хоггет насильно влил лекарство ей в глотку, лечил её ногу, и теперь, когда опустились сумерки и собака с поросёнком лежали, прижавшись друг к другу, их сон изредка нарушался шорохом из соседнего стойла. Поскольку последнее, на что Бейб посмотрелся, была овца, его сны немедленно наполнились овцами, и все они хромали, все кашляли, и все, как утки, в панике бросались врассыпную при его попытках пасти их.

«Идите сюда, идите туда, делайте это, делайте то!» – визжал он неистово на них, но они не обращали на него ни малейшего внимания. Потом сон перешёл в ночной кошмар, и все они, хромя и кашляя, с бляньем пошли за ним, в их безумных жёлтых глазах светилась ненависть.

– Мама! Мама! – в ужасе закричал Бейб.

– Мааааа! – послышался голос из соседних яслей.

– Всё хорошо, дорогой, – успокаивала его Флай, – всё хорошо. Приснился плохой сон?

– Да, да.

– Что же тебе снилось?

– Овцы, мама!

– Я так и думала. Всё потому, что эта глупая старуха здесь, – сказала Флай. – Заткнись! – гавкнула она. – Шумливая старая дура! – А Бейбу она сказала: – А теперь свернись калачиком, дорогой, и спи. Бояться нечего.

Она лизала его пяточок, пока он не начал похрапывать. «Тоже мне, поросёнок-овцепас, и чего глупыш испугался!» – подумала она, уткнулась носом в лапы и заснула.

Весь остаток ночи Бейб спал крепко и проснулся полный решимости узнать всё что возможно от их новой соседки. Как только Флай ушла на пастбище, он забрался на солому.

– Доброе утро, Ма, – сказал он. – Надеюсь, тебе лучше сегодня?

Старая овца взглянула наверх. В её глазах, к радости Бейба, не было ни безумия, ни ненависти.

– Должна заметить, – сказала она, – ты вежливый юноша. Не то что волчица, которая кричала на меня посреди ночи. Никакого от них уважения, обращаются как с быдлом, чуть что – кусают.

– Правда?

– Увы. Кусают за лодыжки. А некоторые и того хуже.

– Хуже?

– О да. Есть волки, которые хватают овец и убивают.

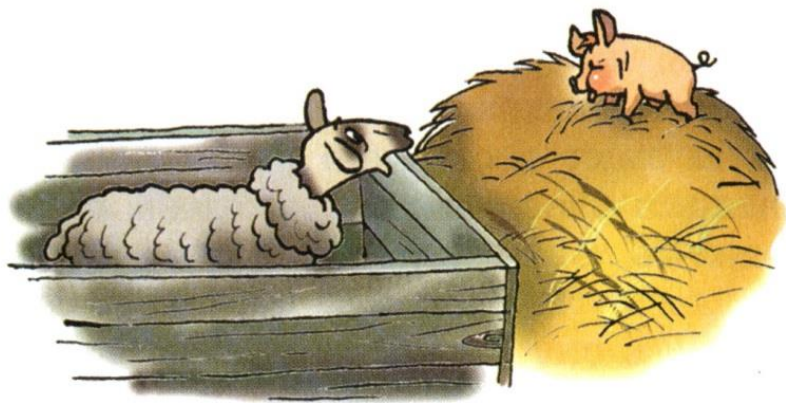
– О! – ужаснулся Бейб. – Я уверен, что Флай так никогда не делает.

– Кто такая – Флай?

– Это моя м... это собака, она привела тебя вчера.

– Так её зовут? Нет, она не убийца, только грубиянка. Все волки очень грубы с нами, овцами. Всегда они так – лают, гоняют, и кусают нас, и обзывают дурами. Мы не так уж глупы, мы просто бываем сбиты с толку. Если бы они были чуть вежливее и обращались с нами немного любезнее. Скажем, если бы такой, как ты, славный воспи-

танный юноша пришёл на пастбище и попросил меня куда-то пойти или что-то сделать, мне это было бы только приятно.

«ПРОДОЛЖАЙ ВИЗЖАТЬ, МАЛЫШ»

Миссис Хоггет долго качала головой.

– Хоть убей, не могу понять, почему ты позволяешь этому поросёнку бегать повсюду, носится и носится по двору, гоняется за моими утками, суёт везде свой нос, не удивлюсь, если, чего доброго, возьмёшь его вместе с Флай пасти овец, почему не запереть его, он спустит весь свой вес, так он к Рождеству не успеет, разве что к Пасхе, как ты его назвал?

– Просто Пиг³, – сказал фермер Хоггет.

Прошёл месяц с деревенской ярмарки, месяц, в течение которого с Бейбом произошло много интересного. Но самым главным было то, что фермер Хоггет полюбил его. Ему нравилось смотреть, как поросёнок весело шастает по двору с Флай, не причиняя никакого вреда, если не считать приставания к уткам. Он, как заметил фермер, гонял их уже довольно ловко, даже как-то раз отделил белых уток от коричневых, хотя это могло произойти и случайно. Чем больше он думал об этом, тем меньше ему нравилась мысль откормить поросёнка на мясо.

Другие достижения были связаны с образованием Бейба. Вопреки самой себе Флай обнаружила, что ей доставляет удовольствие обучать его как собаку-овцепаса, хотя она и знала, что он никогда не будет достаточно быстрым, чтобы управляться с овцами. Да и хозяин никогда не позволил бы ему.

Что касается Ма, то она вернулась в стадо, её нога зажила, она меньше кашляла. Но всё время, пока она была закрыта в яслях, Бейб пользовался каждым удобным моментом, когда Флай не было в конюшне, чтобы поболтать

³ Pig (англ.) – свинья.

со старой овцой. Он уже понял то, чего никогда не могла бы понять Флай, – точку зрения овец. Он мечтал встретиться со стадом и быть представленным. Ему казалось, это будет чрезвычайно интересно.

– Думаешь, я смог бы, Ма? – как-то спросил он.

– Смог что, малыш?

– Ну, навестить тебя, когда ты вернёшься в стадо?

– Конечно. Это очень просто. Тебе нужно будет только пройти через нижнюю калитку и потом вверх по тропинке на холм, к большому полю. Правда, не знаю, что скажет фермер. Или эта волчица.

Как-то Флай тихо проскользнула в конюшню и обнаружила его забравшимся на соломенную кучу.

– Бейб! – возмутилась она. – Ты что, разговариваешь с этой тупицей?

– Да, мама, разговариваю.

– Перестань, она не понимает ни слова.

– Ба! – сказала Ма.

Бейб хотел было поведать приёмной матери о своём замысле, но что-то удержало его. Вместо этого он разработал план. Во-первых, он подождёт, когда Ма вернётся в стадо. А после этого дождётся базарного дня, когда не будет хозяина и Флай. Тогда он отправится на холм.

В конце следующей недели так и вышло. Ма отправили в стадо, а пару дней спустя Бейб увидел, как Флай вспрыгнула на заднее сиденье «лендровера», он выехал со двора и скрылся.

Но не только Бейб следил за отъездом. На вершине холма стоял фургон для скота, наполовину скрытый деревьями, которые росли около дороги. Как только «лендровер» скрылся из виду, из фургона выскочил человек и открыл ворота на пастбище. Машина задним ходом въехала в ворота.

Бейб тем временем со всех ног мчался наверх, к стаду.

Он пролез под калитку. Пастбище было холмистое, и сначала он не увидел ни единой овцы. Но потом он услышал гулкий топот копытцев, и вдруг всё стадо появилось на гребне холма и во весь опор помчалось по направлению к нему. По обеим сторонам стада бежали две чужие поджарые колли, которые, казалось, без всякого усилия бесшумно неслись по траве. Сверху послышался тихий свист, и собаки слаженно обежали овец и стали гнать их обратно, на верх косогора.

Бейб, сам того не желая, со всех сторон оказался зажатым овцами. Они громко блеяли, толкались и увлекли его за собой. Вокруг звучал хор задыхающихся возмущённых голосов, то пронзительных, то низких, гортанных, то хриплых. И все в полнейшем смятении кричали одно и то же слово: «Волк! Волк!»

Маленький коротконожка Бейб скоро начал отставать, а когда они достигли вершины холма, увидел, что оказался позади всех вместе со старой овцой, которая кричала «Волк!» громче всех.

– Ма! – крикнул он, совсем запыхавшись. – Это ты?

По свистку собака позади них легла, а передняя остановила стадо. Фургон стоял в воротах, и два человека ждали с палками наготове.

– О, здравствуй, малыш, – выдохнула старая овца. – Подходящий ты выбрал денёк прийти сюда...

– В чём дело? Что происходит? Кто эти люди? – спросил Бейб.

– Скотокрады, – сказала Ма. – Овцекрады.

– Что это значит?

– Воры, малыш, вот что это значит. Они крадут овец. Не успеешь и глазом моргнуть, как все мы будем в грузовике.

– Что же можно предпринять?

– Предпринять? Да ничего, разве что попытаться проскользнуть мимо этого волка.

Она попыталась было, но собака бросилась к ней, и овца вернулась обратно.

Опять один из людей свистнул, и собака стала теснить овец. Прижатое к краю пастбища второй собакой и людьми, стадо нехотя начало продвигаться вперёд. Передние были уже около грузовика.

– Мы пропали, – сказала мрачно Ма. – Спасайся, малыш.

«Я это сделаю, – решил Бейб. – Но не так, как ты думаешь». Маленький, он почувствовал вдруг не страх, а гнев. У его хозяина крадут овец! «Моей мамы здесь нет, чтобы защитить их, так это должен сделать я», – сказал он себе, быстро обогнул стадо сбоку и, вспрыгнув в кузов, повернулся к овцам.

– Пожалуйста! – закричал он. – Прошу вас! Пожалуйста! Остановитесь! Будьте так добры, дорогие, уважаемые овцы!

Его неожиданное появление произвело немедленное действие. То, что к ним обратились так вежливо, остановило овец, и крики «Волк!» сменились шёпотом «Какой милый!» и «Какой достойный маленький джентльмен!». Ма рассказала им кое-что о своём новом друге, и теперь, увидев его воочию и услышав его вежливое обращение, они преодолели панический страх и стали искать путь к спасению. Он открылся, когда люди (чертыхаясь, но тихо, потому что больше всего опасались шума) послали собаку с фланга, чтобы она прогнала поросёнка, и некоторые овцы попытались ускользнуть.

Начался полный хаос. Собака злобно преследовала Бейба, который припустился прочь, визжа во всё горло от страха и гнева. Люди подступились к нему с палками. Бейб отчаянно пронёсся между ног одного из них, тот грохнулся. Другой разъярённо ударил собаку, которая была сзади и теперь прибежала на помощь. Та завывала от боли. Полминуты – и тщательно спланированный налёт потерпел провал, так как овцы разметались повсюду.

– Продолжай визжать, малыш! – крикнула Ма, пробегающая мимо Бейба. – При таком шуме они здесь ни за что не задержатся!

И вдруг началось такое! По всей округе поднялся оглушительный гам. Птицы испуганно снялись с деревьев, коровы на окрестных пастбищах пустились бежать, собаки на отдалённых фермах залаяли, проезжавшие мимо водители останавливались и вглядывались – что происходит? До миссис Хоггет донёсся весь этот шум и гам, похожий на тот, какой стоял в ярмарочный день, но сейчас он определённо был сильнее, пронзительней и действовал на нервы. Уж не воры ли?

Она набрала 999, но говорила так долго, что ко времени, когда патрульная машина прибыла на место, скотокрады давно скрылись. Бранясь друг с другом и ругая собак, они поспешно уехали прочь, не добыв в награду за свои труды ни единой овцы.

– Ты не поверишь! – воскликнула миссис Хоггет, когда её муж вернулся с рынка. – К нам наведались воры, это случилось сразу после твоего отъезда, приехали на большом грузовике, в котором возят скот, правда-правда, в полиции говорят, они видели отпечатки шин, и парень из машины видел удиравший грузовик, и тут было такое, он поднял тревогу, правда-правда, визжал и вопил так, что чуть барабанные перепонки не лопнули, если бы не он, мы бы лишились всех наших овец, это его мы должны благодарить.

– Кого? – спросил мистер Хоггет.

– Его, – сказала жена, указывая на Бейба, который рассказывал Флай обо всём, что случилось. – Не спрашивай меня, как он там оказался и почему он это сделал, одно я знаю – он спас наших овец, а теперь я хочу спасти его самого, он будет жить у нас, как собаки живут, и даже если он станет величиной с дом, пусть это тебя не волнует, по-

тому что если ты думаешь, что я буду стоять и смотреть, как его режут, после того что он для нас сделал сегодня, то ты ошибаешься, что ты на это скажешь?

Длинное лицо фермера Хоггета медленно расплылось в улыбке.

«ХОРОШИЙ ПИГ»

На следующее же утро фермер Хоггет решил проверить, захочет ли поросёнок пойти вместе с ним и Флай на пастбище. «Ну не дурень ли я», – думал он, посмеиваясь над собой. Жене он ничего не сказал.

Бейб собирался устроиться, чтобы вздремнуть после завтрака. Он видел, как фермер идёт по двору с посохом в руке, и слышал, как он позвал Флай. С удивлением Бейб вдруг услышал и своё имя.

– Пойдём, Пиг, – сказал фермер Хоггет, и на этот раз, к его удивлению, поросёнок подошёл.

– Я ожидала, что так и будет, потому что ты вчера отличился, – с гордостью сказала Флай, когда они вместе поднимались вслед за хозяином на холм. – Хозяин очень доволен тобой, дорогой. Ты сможешь посмотреть, как я работаю.

Когда они подошли к нижней калитке, фермер Хоггет открыл её и не стал закрывать.

– Он собирается пригнать их вниз, в загон около дома, – быстро сказала Флай. – Веди себя тихо и не болтайся под ногами. – И она села справа от хозяина в ожидании.

– Заходи слева! – сказал фермер, и Флай побежала слева по склону.

Овцы сгрудились наверху. Оказавшись позади них, она обратилась к ним в своей обычной манере, то есть грубо.

– Пошли, дурни! – набросилась она. – Вниз, с холма. Если соображаете, что значит «вниз». –

Но, к её удивлению, они не повиновались. Вместо этого они повернулись к ней мордами, а некоторые даже затопали копытами и чуть ли не бодали её, и все громко заблеяли.

Флай на овечью болтовню никогда не обращала ни ма-

лейшего внимания, считая её сущим вздором. Но Бейб, прислушиваясь внизу, мог ясно различить, что, хотя главный возглас был обычным, раздавались и другие, совершенно новые. Контраст между обращением к ним вчерашнего их спасителя и всегдашней грубостью собак вызвал в их мохнатых головах мятежные мысли, и зазвучали слова протеста.

– Ты невоспитанная!.. Почему ты не можешь попросить вежливо?.. Обращаешься с нами как с быдлом! – кричали они, а один хриплый голос, который поросёнок сразу узнал, громко воззвал: – Мы не хотим тебя, волк! Мы хотим Бейба! – и все подхватили: – Мы хотим Бейба! Бейба! Бейба! Бе-е-е-е-йба! – блеяли они.

Те, кто был сзади, напирали на передних, так что они оказались на расстоянии одного-двух шагов от собаки.

В какой-то момент Бейбу показалось, что Флай с ними не справится, что ей не выйти победительницей из этого противостояния. Но он недооценил её многолетний опыт. С быстротой молнии, зарычав, она вдруг бросилась на них, изогнувшись в прыжке, к самой морде передней овцы; Бейб услышал клацанье зубов, овцы отпрянули в испуге, и этот испуг немедленно передался всем. С неповиновением было покончено, стадо устремилось вниз, с холма, Флай яростно цапала овец за ноги, и они бросились к калитке.

– Что за манеры! Что за манеры! Что за мане-е-е-е-е-ры! – кричали овцы, но как только они осознали, на какой отважились мятеж, паника овладела ими. Теперь волк их накажет! Они сгрудились посреди загона и все как одна повернулись назад, уши подняты, глаза широко раскрыты от страха. Овцы запыхались и тяжело дышали; раздавался сухой кашель Ма. С изумлением они увидели, что волк остался у ворот, а через секунду к ним вбежал поросёнок.

Фермер Хоггет не мог знать, что именно чуть не подвигло стадо на мятеж. Но ему было ясно, что у Флай воз-

никли какие-то затруднения и она разозлилась. На неё не похоже – гнать овец в таком беспорядке.

– Спокойно! – приказал он коротко, чтобы она не понимала отставших. – Место! Лежать! – и закрыл калитку. Скотоводство было подходящим занятием для фермера Хоггета, тут не требовалось много слов.

В ближнем к фермерским постройкам углу выгона находился дворик, разделённый на несколько загонов с проходами между ними. Сюда пригоняли стадо на стрижку или чтобы отобрать упитанных ягнят для рынка, а также чтобы лечить овец от различных болезней. Фермер Хоггет слышал, что старая овца кашляет; он подумал, что следует её поймать и ещё раз дать лекарство. Он повернулся к Флай. Она лежала, а около неё спокойно лежал и поросёнок.

– Флай, лежать! – сказал Хоггет. И просто для забавы: – Пиг, ко мне!

Бейб немедленно выбежал вперёд и сел справа от фермера, аккуратно выставив копытца, наострив большие уши в ожидании следующей команды.

Странные мысли зашевелились в голове фермера Хоггета, и он бессознательно скрестил пальцы.

Он набрал в грудь воздуха и, затаив дыхание, тихо сказал:

– Заходи справа, Пиг!

Ни секунды не колеблясь, Бейб побежал вправо.

Впоследствии фермер Хоггет так и не мог отчётливо вспомнить, чего он, собственно, ожидал. А вот чего не ожидал, так это того, что поросёнок, обежав стадо, окажется перед ним «лицом к лицу» и сразу ляжет, не дожидаясь команды, как сделала бы хорошо обученная собака. Правда, с его смешным, как у коня-качалки, галопом он потратил вдвое больше времени, чем потребовалось бы Флай, но всё же он был там, в нужном месте и наготове. Правда и то, что овцы почему-то повернулись мордами к

поросёнку и блеяли. Флай не прислушивалась, а фермер Хоггет не понимал, о чём они говорили. Он подозвал собаку к ноге и пошёл своей неспешной прыгающей походкой в угол, к загону. Со стороны стада доносилось довольное бормотанье.

– Доброе утро! – поздоровался Бейб. – Надеюсь, у вас всё в порядке и вы не слишком переживаете из-за вчерашнего?

Каждая овца хотела ему что-нибудь сказать.

«У него доброе сердце!» – кричали они, и «Наш милый маленький дружок», и «Привет, Бейб!», и «Рады видеть тебя опять!», и потом насадный кашель и хриплый голос Ма:

– В чём дело, малыш? Что ты делаешь здесь вместо этого волка?

Хотя Бейб и понимал, что овцы правы, его всё же задело, что так называют его приёмную мать. Поэтому он возразил:

– Она не волк. Она собака-овцепас.

– Ну ладно, собака-овцепас, если ты настаиваешь. Ну так чего ты хочешь?

Бейб обвёл взглядом длинные унылые морды.

– Я хочу быть поросёнком-овцепасом, – сказал Бейб.

– Ха-ха, – заблеял барашек, стоявший рядом с Ма. – Ха-ха-ха-а-а-а!

– Тихо! – резко сказала Ма, мотнула головой и как следует боднула его в бок. – Тут не над чем смеяться.

Возвысив голос, она обратилась к стаду.

– Послушайте меня вы, овцы, – говорила она, – и ягнята тоже. Я вам рассказывала, что, когда мне было плохо, этот парнишка был добр ко мне. И я сказала ему, что если он вежливо, как он это делает, попросит меня куда-то пойти или что-то сделать, так мне это будет только приятно. Мы не глупые, сказала я ему, мы только хотим, чтобы с нами обходились по справедливости. Мы не глупее других животных.

– Правильно! – подхватило стадо. – Правильно! Правильно! Пра-а-а-а-ильно!

– Ну, – сказала Ма, – что мы должны делать, Бейб?

Бейб посмотрел на фермера Хоггета, который открыл ворота загона и стоял опершись на посох; Флай сидела у его ног. Бейб ждал команду, которую и услышал: «Заходи слева». Она означала, что он должен, обежав стадо, оказаться позади овец и направить их в угол, к загону.

Он прочистил горло.

– Могу ли я попросить вас о большом одолжении, – проговорил он торопливо. – Будьте так добры, пройдите вниз к калитке, где стоит фермер, и войдите в неё. Не торопитесь, пожалуйста, нет никакой необходимости спешить.

Полнейшее удовлетворение появилось на овечьих мордах. Стадо единодушно повернулось и пошло через выгул, Бейб держался немного позади. Они прошли дружно, не торопясь, в угол, через калитку в загон, и стояли там в спокойном ожидании. Никто не нарушил порядка, никто не пытался ускользнуть, никто не толкался и не пихался, не было никакого гвалта и суеты. И стар и млад – все были как смиренные ягнята.

И началось тихое ласковое бормотанье, поскольку каждому хотелось выразить своё удовлетворение.

– Бейб! – сказала Флай поросёнку. – Ты всё сделал замечательно, дорогой!

– Большое вам спасибо! – обратился Бейб к овцам. – Вы всё сделали замечательно!

– Пожа-а-а-луйста-а-а! – сказали овцы. – Пожа-а-а-луйста-а-а! Приятно что-то сделать для такого любезного маленького джентльмена!

А Ма добавила:

– Ты будешь замечательным поросёнком-овцепасом, юноша, не будь я Ма-а-а-а-а-а.

Что касается фермера Хоггета, то он ничего не слышал:

он был погружён в собственные мысли. «Поросёнок не уступает собаке, – возбуждённо думал Хоггет, – он лучше, чем собака, чем любая собака! А что, если!..»

– Хороший поросёнок, – сказал он, расцепил пальцы и закрыл калитку.

«ЧТО ЭТО ТАКОЕ – СОСТЯЗАНИЕ?»

Конечно же, теперь каждый день Бейб стал ходить на пастбище вместе с фермером Хоггетом и Флай. Поначалу фермеру было немного не по себе. Не потому, что над ним могли смеяться: поросёнок пасет овец! – это его не беспокоило. Но он боялся, как бы не огорчить и не расстроить Флай. Однако похоже, ничего такого не происходило.

Он мог бы и совсем не тревожиться, если бы услышал их беседу.

– Вот было здорово! – говорил Бейб в тот вечер Флай. – Хотел бы я знать, разрешит ли мне хозяин ещё работать?

– Я уверена, он разрешит, дорогой. Ты так хорошо всё сделал. Казалось, овцы в точности знали, чего ты от них хочешь.

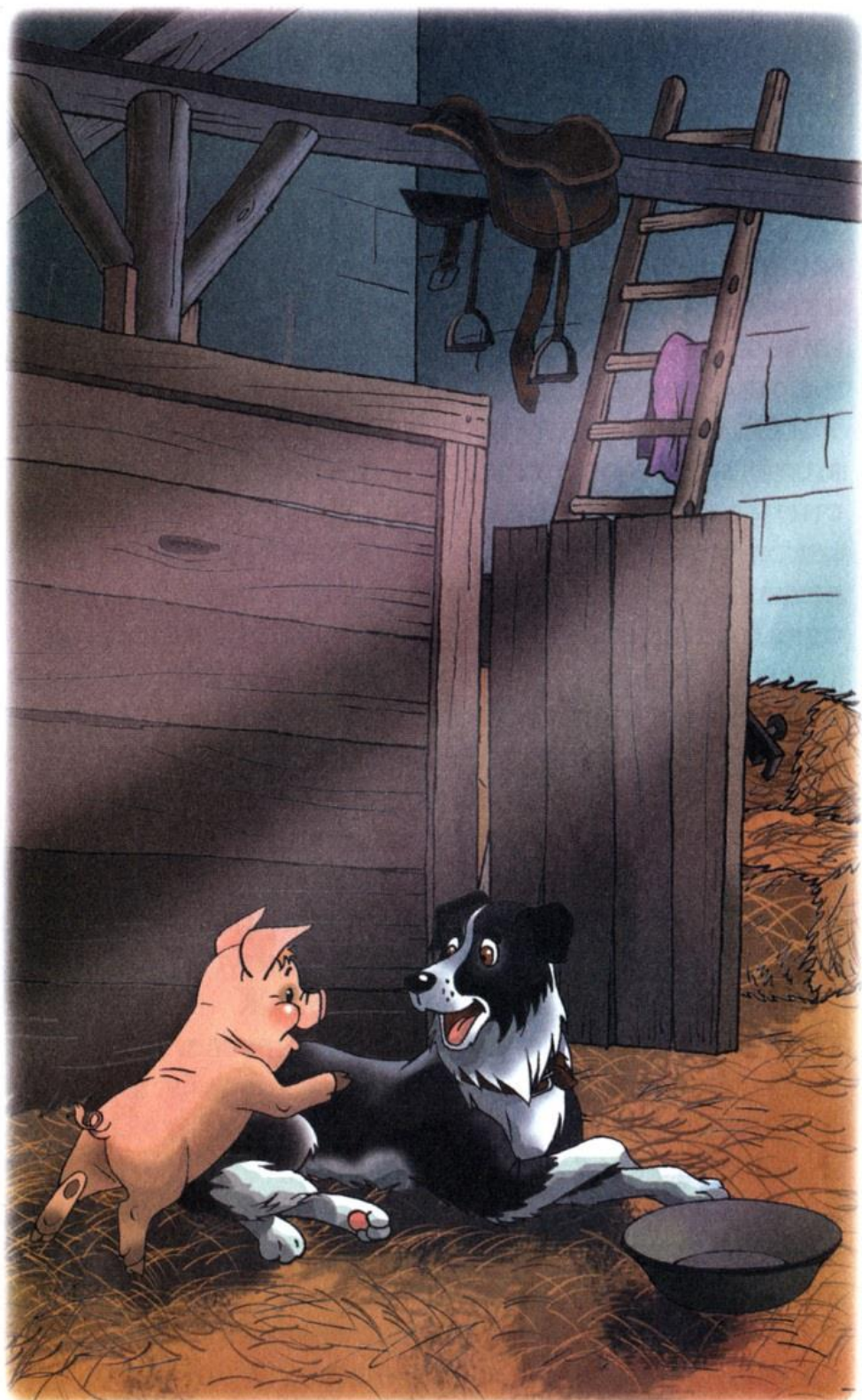
– Но так оно и есть! Я попросил их...

– Не имей привычки *просить* овец, дорогой, – прервала его Флай. – Ты должен *велеть* им делать то, что ты хочешь, я тебе уже говорила.

– Да, мама. Но... ты не станешь возражать, если хозяин иногда будет использовать меня вместо тебя?

– Возражать? – переспросила Флай. – Конечно же, нет! Всю жизнь я должна была бегать вокруг этих идиотов по горам и долам, изо дня в день. Иногда! Да работай с ними хоть каждый день. Я уже не так молода и буду только рада полёживать на травке и поглядывать на тебя, мой Бейб.

К этому всё и шло. Флай помахивала хвостом, её глаза улыбались, и фермер Хоггет понял, что ей это очень нравится; так что часть обязанностей Флай перешла к Бейбу. Поначалу фермер давал поросёнку только простые задачи, но проходили дни, недели, и Хоггет начал всё чаще использовать своего нового помощника. Быстрота, с которой Бейб всё постигал, изумляла, и вскоре фермер доверил ему

всю работу со стадом, а Флай лежала и с гордостью наблюдала. Теперь, казалось, не было ничего такого, чего поросёнок не мог выполнить, и к тому же безупречно.

Он выполнял все команды немедленно и правильно. Он мог привести и отвести стадо, переместить его вправо или влево, убедить овец обойти какое-то препятствие или преодолеть его, он умел разделить стадо надвое или вывести из него кого-то одного.

Например, чтобы дать лекарство Ма, не было нужды приводить всё стадо вниз, в загон, теснить овец в угол, зацеплять её батоном с крюком. Фермер мог просто указать поросёнку на овцу, и Бейб выводил её из стада прямо к хозяину, и она стояла, тихо ожидая. Это казалось Хоггету чудом, а на самом деле всё было очень просто.

– Ма!

– Да, малыш?

– Хозяин хочет дать тебе лекарство.

– О, опять! Это такая гадость.

– Но оно поможет тебе от кашля.

– Неужели?

– Идём, Ма, пожалуйста.

– Ну ладно, малыш. Для тебя – всё что угодно.

Фермеру было невдомёк, что Бейб мог бы легко выполнить и более сложные задачи. Например, когда настало время отнять от овец ягнят, уже почти таких же больших и сильных, как их мамы, фермер Хоггет поступал как и любой другой пастух: он приводил всё стадо вниз, в загон, и тратил уйму времени и усилий, чтобы разделить их. Если бы он был способен объяснить Бейбу, что нужно сделать, тот бы в два счёта всё сделал.

– Милые дамы, не будете ли вы так любезны остаться на холме, будьте добры, пожалуйста.

– Молодёжь, пожалуйста, идите в загон, вот какие хорошие мальчики и девочки. – И всё было бы исполнено, не успел бы, как говорится, баран чихнуть.

Тем не менее когда поросёнок впервые пригнал овец, в голове у фермера зародился некий план, и возрастающее мастерство Бейба побудило Хоггета сделать следующий шаг по пути осуществления этого плана. Через пару недель должны были проводиться состязания собак-овцепасов, и он решил взять на них поросёнка.

Конечно, только как зрителя, чтобы он мог посмотреть, как хорошо обученные собаки работают с небольшой группой овец, и увидеть, что требуется от тех и других. «Ну не дурень ли я», – думал он, посмеиваясь. Жене он ничего не сказал.

Прежде чем наступил этот день, он примерил поросёнку ошейник и поводок. Не мог же он рисковать, чтобы тот убежал, оказавшись в незнакомом месте. Он продержал поросёнка на поводке целое утро, позволив Флай выполнять всю работу, как прежде. Не стоило ему беспокоиться, Бейб и так остался бы у ноги, если бы ему было сказано. Интересной, однако, была мгновенная перемена в стаде, когда выбежала колли.

– Волк! Волк! – закричали овцы, сразу придя в состояние нервозности.

– Пошли, тупицы, – щёлкнула зубами Флай, подгоняя овец и нисколько не считаясь с их настроением.

– Бейб! Мы хотим Бейба, – заблеяли они. – Бе-е-е-е-е-йб!

Конечно же, работа была сделана быстрее, но по её завершении овцы дрожали от страха, а собака вышла из себя и запыхалась.

– Спокойно! Спокойно! – несколько раз кричал фермер. А когда работал Бейб, то никого не надо было успокаивать.

Когда наступил день состязаний, Хоггет посадил Флай и Бейба в кузов «лендровера» и спозаранку отбыл с фермы. Он сообщил жене, куда направляется, но и словом не

обмолвился, что берёт с собой поросёнка. Он не сказал также, что не собирается сидеть, как обычно, со зрителями, а намерен устроиться так, чтобы поросёнок видел всё происходящее и в то же время сами они оставались бы никем не замеченными. Теперь, когда Хоггет решил перейти к заключительной части своего дерзкого плана, он понял, что конспирация совершенно необходима. «Никто не должен знать, что у меня есть... как бы назвать его, – подумал он, – скажем... поросёнок-овцепас!»

Состязания проходили примерно в десяти милях от фермы, в извилистой долине, среди холмов. В нижнем её конце была дорога. Неподалёку от неё находился старт, там собаки должны были начать забег, а также огороженное место, куда они в конце концов загонят своих овец. Фермер Хоггет, прибыв немного раньше других, припарковал «лендровер» и пошёл кружным путём вверх по долине под прикрытием деревьев. За ним мягко ступала Флай, и на поводке, стараясь не отставать, семенил Бейб.

– Куда мы идём, мама? – спросил возбуждённо Бейб. – Что мы собираемся делать?

– Думаю, ничего мы делать не будем, дорогой, – сказала Флай. – Скорее всего, хозяин хочет, чтобы ты кое-что увидел.

– Что?

Они дошли до начала долины, и фермер нашёл подходящее место, укромное, но с хорошим обзором маршрута.

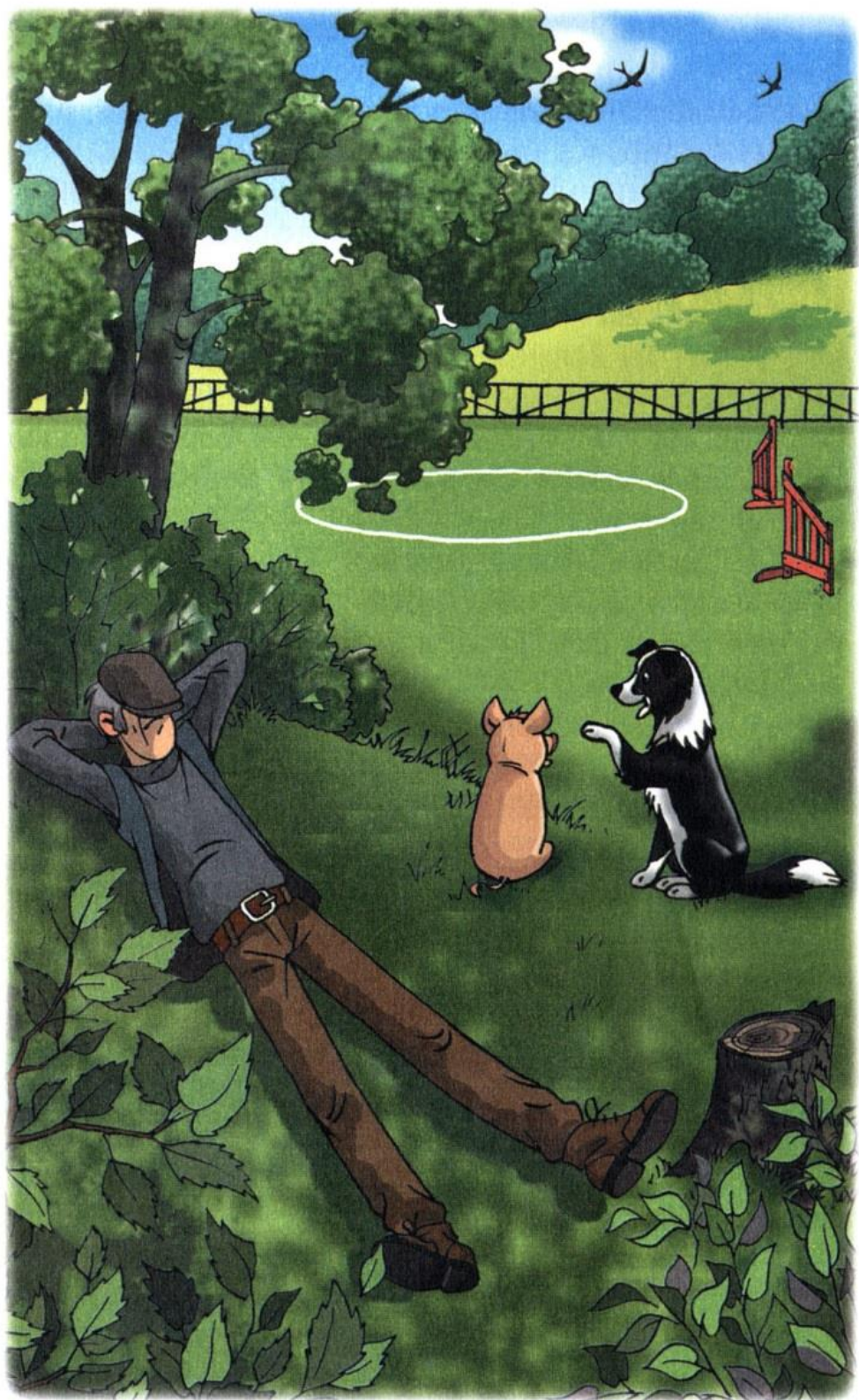
– Ложись, Флай. Ложись, Пиг. Спокойно, – приказал он и, утомлённый столь долгой речью, растянулся во всю свою длину на траве и принялся ждать.

– Хочет, чтобы я увидел что? – спросил Бейб.

– Состязания.

– Какие состязания?

– Ну, это такое соревнование для собак-овцепасов и их хозяев. Каждая собака должна повести пятерых овец и гнать их через несколько препятствий и через ворота – ты

увидишь, там есть флажки по обеим сторонам – к кругу, который обозначен на поле внизу, и собака должна из этого круга вывести нескольких овец.

– Как это – вывести?

– Отделить их от остальных. На тех, кого надо отделить, будут ошейники.

– А потом что?

– Потом собака должна собрать всех овец опять вместе и привести в загон.

– И это всё?

– Это нелегко, дорогой. Не то что перегонять стадо лохматых тупиц на нашем холмистом пастбище. Всё надо сделать быстро и без ошибок. Если будут ошибки, то потеряешь очки.

– Ты участвовала когда-нибудь в состязаниях, мама?

– Да, здесь. Когда была моложе.

– Ты делала ошибки?

– Конечно, – сказала Флай. – Все делают. Очень трудно работать с чужими овцами в незнакомой местности. Ты увидишь.

К концу дня Бейб увидел очень много. Маршрут оказался не из лёгких, и овцы отличались от тех, что были дома. Они были своевольные, и собаки, хотя и очень хорошие, допустили много ошибок и в воротах, и на круге, и на заключительном этапе.

Бейб внимательно следил за каждым забегом, Хоггет следил за Бейбом, а Флай следила за ними обоими.

«Что задумал хозяин? – размышляла Флай, когда они ехали домой. – Уж не думает ли он, что однажды Бейб сумеет... нет, хозяин не может быть таким безрассудным. Поросёнок-овцепас, видите ли! Неплохо, когда парнишка для развлечения побегает на своей ферме, но участвовать в состязании, даже в небольшом, местном, как сегодняшнее, – это уж слишком!» Она вспомнила кое-что из сказанного Бейбом в его первые дни на ферме, когда он практиковался на утках.

– Ты, наверное, считаешь, – сказала она, – что собаки были недостаточно вежливы?

– Вот именно, – ответил Бейб.

«О, МА!»

Шло время, и Флай всё больше убеждалась в справедливости своих догадок насчёт того, что замыслил фермер. Вскоре стало очевидным, что он сооружает на своей земле тренировочный маршрут. В верхней части поля, там, куда наведались скотокрады, начинался объезд, который шёл вокруг фермы. Кое-что на этом пути уже было готово для тренировок, например ворота и ямы, а что-то фермер сделал вновь – поставил загородки и колья, между которыми нужно было прогнать овец. Некоторые препятствия были повышенной трудности. Скажем, дощатый мостик через ручей такой узкий, что по нему можно пройти только друг за другом, гуськом, и самые проникновенные слова потребовались бы от Бейба, чтобы убедить животных это сделать.

На выгоне около фермы Хоггет большими камнями обозначил круг, а за ним сделал маленький, огороженный плетнём финишный загончик с калиткой, которая закрывалась, если дёрнуть за верёвку.

Каждый день фермер посылал Флай отделить от стада пяток овец, привести их на вершину холма и удерживать там. А от ворот в самом нижнем конце фермы Хоггет посылал Бейба, чтобы тот провёл овец по маршруту. «Заходи справа, Пиг!» – говорил он, или: «Заходи слева, Пиг!» – и Бейб мчался во всю мочь. Фермер доставал свои большие старые карманные часы и замечал время. Была только одна проблема. Коротенькие ножки поросёнка не могли нести его так быстро, как требовалось.

Флай понимала, что здесь, дома, скорость не так уж много значит. Какую пятёрку овец ни отберёшь, они всегда рады оказать услугу Бейбу и изо всех сил стремятся выполнить всё, чего он хочет. Но с чужими овцами будет

иначе, думала Флай, если хозяин действительно намеревается выставить его на состязания. А всё говорило о том, что так оно и есть. Колли смотрела, как поросёнок взбирается на вершину холма. Ну и толстый же он, прямо белорозовый бочоночек!

В тот вечер за ужином она следила, с каким аппетитом он ел. До этого её никогда не волновало, что он ест много. Мальчик растёт, думала она с нежностью. Теперь она подумала, что мальчик-то прожорливый.

– Бейб, – начала Флай, в то время как он с довольным хрюканьем облизывался. Маленькое жестяное корытце сверкало чистотой, словно миссис Хоггет вымыла его под краном, а брюшко поросёнка стало тугим, как барабан.

– Да, мама?

– Ты хочешь быть... поросёнком-овцепасом, не так ли?

– О да, мама!

– И ты хочешь преуспеть в этом? Так? Быть самым лучшим? Лучше, чем какой-либо другой поросёнок-овцепас?

– Ты думаешь, есть ещё и другие?

– Нет, я неправильно сказала. Лучше, чем любая собака-овцепас?

– О да, я хотел бы! Но не уверен, что это возможно. Видишь ли, хотя овцы и делают всё, что я прошу... я имею в виду, что я велю им, я совсем не такой быстрый, как собака, я никогда не смогу быть таким.

– Это верно. Но ты можешь быть гораздо быстрее, чем сейчас.

– Как?

– Ну, есть две вещи, которые ты должен сделать, дорогой, – сказала Флай. – Первое – ты должен специально тренироваться. Недостаточно одной маленькой пробежки в день. Тебе нужно тренироваться упорно – бег трусцой, бег по пересечённой местности, бег на короткие и длинные дистанции. Разумеется, я бы тебе помогла.

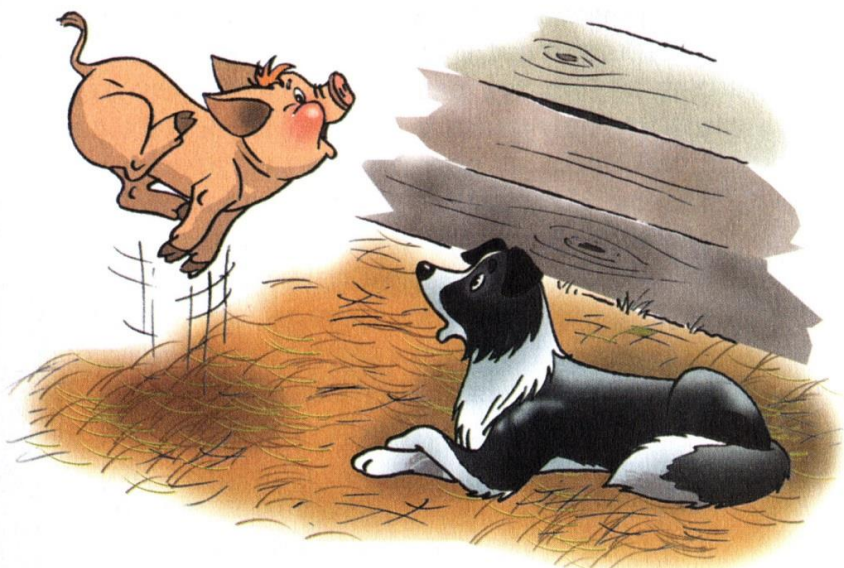
Всё это вызвало у Бейба интерес.

– Здорово! – согласился он. – Но ты сказала: «две вещи». Какая вторая?

– Меньше есть, – сказала Флай. – Ты должен сесть на диету.

Любой другой, обычный поросёнок восстал бы против этого. Поросята любят поесть; они любят также лежать и большую часть дня думать о том, чтобы опять поесть. Но Бейб не был обычным и начал с энтузиазмом следовать тому, что предложила Флай.

Под её бдительным наблюдением он ел достаточно, но не слишком много и каждый день тренировался по программе, которую разработала для него Флай. Он бегал вокруг фермы, или на вершину холма и обратно, или вверх и вниз на выгоне около дома. Хоггет думал, что Пиг просто играет, но не мог не заметить, как Бейб вырос; не растолстел, что обычно происходит с поросёнком в хлеву, а стал крупнее и выносливее. Это был уже не поросёночек; он выглядел подтянутым и энергичным, у него были крепкие мускулы. Теперь он стал почти таким же большим, как овцы, которых он пас. И наступил день, когда эта сила и крепость сослужили добрую службу.

В одно прекрасное утро, когда небо было ясным и безоблачным, а воздух таким бодрящим и свежим, что казалось, можно попробовать его на вкус, Бейб проснулся с ощущением радости бытия. Как натренированный атлет, он чувствовал в себе столько энергии, что просто не мог усидеть на месте. Он подпрыгнул в конюшне на всех своих четырёх ногах, тряхнул головой и несколько раз коротко взвизгнул.

– Ты в форме сегодня, – сказала Флай, позёвывая. – Пробеги-ка на холм и обратно для разминки.

– О'кей, мама! – сказал Бейб и помчался, а Флай опять удобно устроилась на соломе.

Бейб пронёсся через выгон, забрался на холм и поискал взглядом овец. Он знал, что немного погодя увидит их, но так радовался жизни, что хотел разделить это ощущение с Ма и другими сейчас же, прежде чем побежит обратно к дому; просто хотелось сказать: «Привет! С добрым утром вас всех! Прекрасный день, не правда ли!» Он знал, что стадо было на самом удалённом от фермы пастбище, там, наверху, где кончалась тропинка.

Он посмотрел туда, ожидая увидеть, как они тихо падутся или лежат, устроившись поудобнее под утренним солнышком, и жуют жвачку. Однако он обнаружил, что они как безумные несутся в разные стороны. Лёгкий ветерок донёс крики: «Волк!» Но то были не привычно-докучливые, почти машинальные вскрикивания, которыми они выражали недовольство, когда с ними работала Флай. Сейчас это были вопли, полные настоящего ужаса, отчаяния, зов о помощи. И Бейб увидел, как показались два чужих пса, большой и поменьше, он услышал лай и пронзительное тьяканье, с которым они бросились за убегающими овцами. «Бывают волки, которые хватают овец и убивают», – всплыли в памяти Бейба слова Ма, и, ни секунды не раздумывая, он стремительно, как только мог, бросился туда, откуда доносились крики.

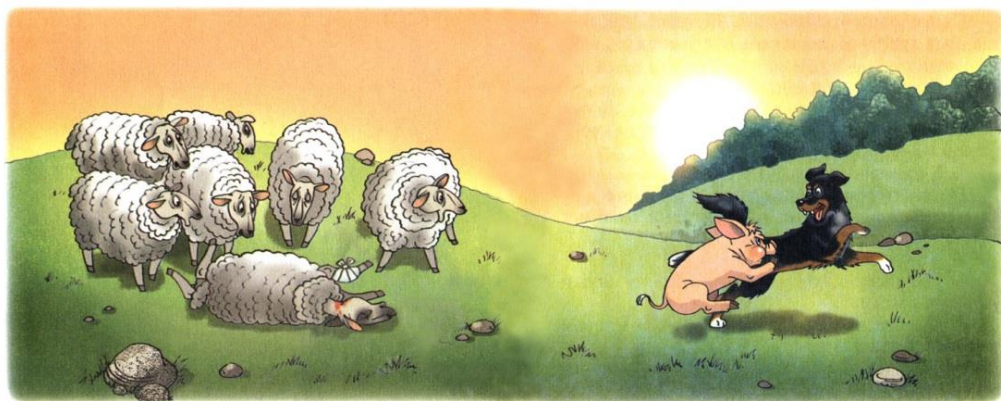
Что за картина предстала перед ним! Овцы, обычно державшиеся вместе, были рассеяны по всему пастбищу; от страха они совершенно потеряли голову, глаза выпучены, рты открыты... Было очевидно, что «волки»-собаки терзают их уже довольно долго.

Несколько овец, обуянные ужасом, пытались перепрыгнуть проволочное ограждение и повисли на нём, некоторые упали в канавы и увязли там, другие, прихрамывая, бегали вокруг; на траве валялись клочья шерсти.

Самым жутким было то, что в середине пастбища собаки-бандиты повалили овцу, она лежала на боку, слабо брыкаясь, а они рычали и тащили её.

В тот день, когда нагрянули скотокрады, Бейб испытал страх и гнев. Теперь же только ярость ослепила его, и он решительно бросился на собак, неистово хрюкая и фырча. Ближе к нему оказалась собака поменьше, что-то вроде помеси дворняжки и терьера, которая цапала овцу за заднюю ногу, ничего не замечая вокруг в своём кровожадном азарте.

Не успела она опомниться, как Бейб схватил её за загривок и отшвырнул в сторону. Сила инерции вынесла его на другую собаку, и он с лёта сшиб её.

Эта собака, большая, чёрная, помесь колли с ретривером, была крепче, чем терьер, который в панике убежал прочь. Она поднялась и, рыча, пошла на поросёнка. Вероятно, в этой неразберихе собака поначалу приняла его за

овцу, которая непостижимым образом нашла в себе мужество напасть на неё. Но в таком случае разбойник мгновенно убедился, что всё обстоит иначе, так как Бейб вонзил в него зубы. Это был страшный, раздирающий укус, брызнула кровь.

Завывая от боли, чёрная собака повернулась и опротясь бросилась бежать, поджав хвост. Поросёнок, оцетившись, с оскаленной пастью преследовал её по пятам.

Собаки-разбойники были изгнаны, и Бейб сразу пришёл в себя. Он повернул обратно и поспешил к лежащей овце, вокруг которой теперь, когда собак не было, толпилось перепуганное стадо.

Она лежала не шевелясь. Бейб приблизился, тяжело дыша, увидел вываленный в грязи бок и вдруг понял: это была Ма!

– Ма! – закричал он. – С тобой всё в порядке?

Казалось, она не слишком пострадала. Ему не было видно её рваных ран, только из уха, там, где покусали собаки, текла кровь.

Старая овца открыла глаз. Её голос, как всегда, был хриплым, но теперь она говорила почти шёпотом.

– Привет, малыш, – сказала она.

Бейб нагнул голову и нежно лизнул её ухо, пытаясь остановить кровотечение; немного крови осталось у него на пяточке.

– Ты можешь встать? – спросил он.

Ма некоторое время молчала, и он смотрел на неё встревоженно, но тот глаз, который Бейб мог видеть, был открыт.

– Не думаю, – сказала она.

– Всё хорошо, Ма, – сказал Бейб. – Волки убежали, далеко.

– Далеко, далеко, далеко-о-о-о-о! – хором подхватило стадо.

– Хозяин с Флай скоро будут здесь и помогут тебе.

Ма не отвечала и не двигалась. Только рёбра у неё тяжело ходили в такт ударам старого усталого сердца.

– Всё будет в порядке, честно, – сказал Бейб.

– О да, – сказала Ма, и тут глаз закрылся, и рёбра больше не поднимались.

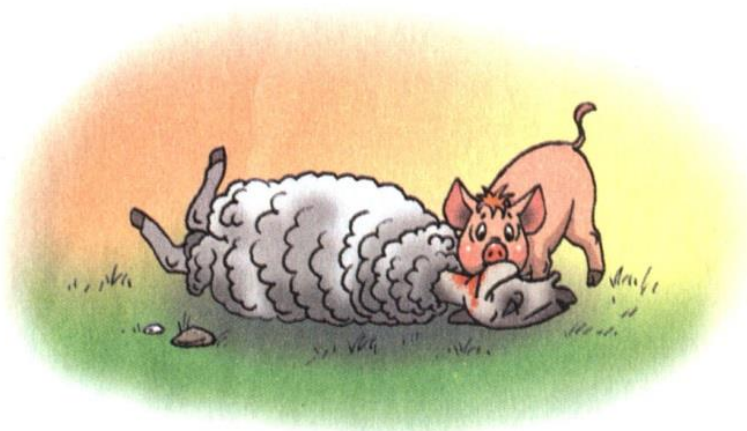
– О Ма! – вырвалось у Бейба.

– Ма! Ма! Ма-а-а-а-а! – простонало стадо. И в это время подъехал «лендровер».

Хоггет не слышал ничего такого, что могло бы его встревожить: пастбище было слишком удалённым, и ветер дул в противоположном направлении. Но фермер и Флай забеспокоились, что нигде не видно поросёнка.

И человек, и собака, прибыв на пастбище, сразу поняли: произошло что-то ужасное. Овцы тяжело дышали, были взлохмачены... Какая беда обрушилась на них? Почему они сгрудились в круг и что находилось в середине его? Фермер Хоггет шагнул вперёд, Флай шла перед ним, разделяя круг, чтобы освободить проход. То, что они увидели, пронзило сердца обоих.

Перед ними лежала мёртвая овца, над ней наклонился поросёнок, его пяточок почти касался вытянутой овечьей шеи, и на пяточке были пятна крови.

«НЕУЖЕЛИ БЕЙБ?»

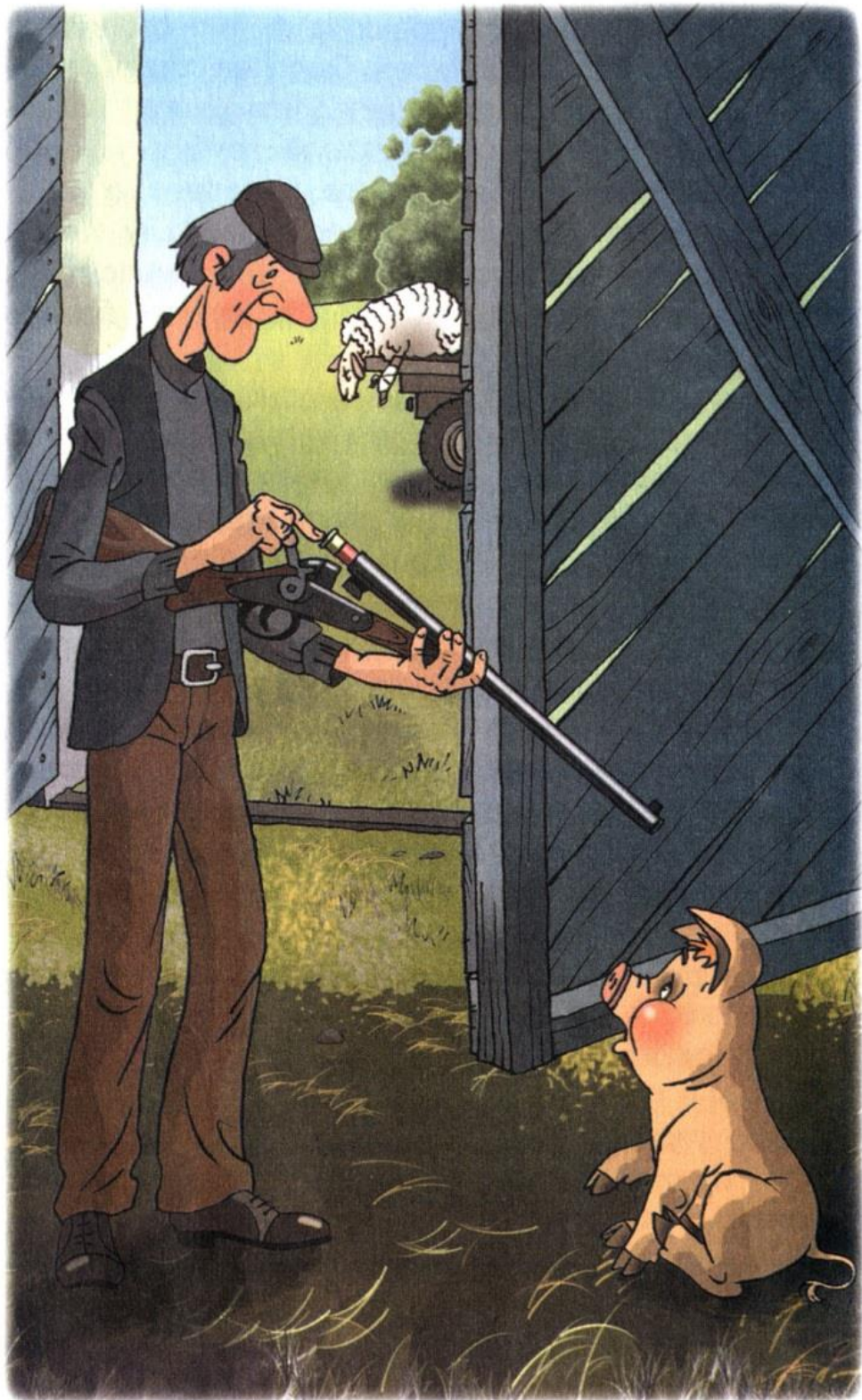
– Домой, Пиг, – сказал фермер Хоггет голосом, который был таким тихим и холодным, что Бейб едва его узнал.

Сбитый с толку, он послушно побежал, а фермер поднял мёртвую овцу и понёс её в «лендровер». Затем с помощью Флай начал вытаскивать увязших овец, проверил, не поранен ли ещё кто. Сделав это, он оставил Флай сторожить стадо, а сам поехал домой.

Бейб вернулся на ферму. Им овладела печаль. Небо было по-прежнему безоблачно, воздух по-прежнему свеж, но теперь это был другой поросёнок, совсем не тот, что беззаботно мчался на холм всего полчаса назад. За эти полчаса он столкнулся с жестокостью, страхом, смертью. В довершение всего хозяин рассердился на него, униЗИтельно отправил домой. Что же он сделал не так? Он только исполнил свой долг, как хороший поросёнок-овцепас. Бейб сел в дверях конюшни и смотрел, как во двор въехал «лендровер»; сзади свешивалась голова бедной Ма. Хозяин вошёл в дом и затем, спустя несколько минут, вышел, неся что-то наперевес, какую-то длинную вещь, вроде чёрной блестящей трубки, и направился к нему.

– Идём, Пиг, – сказал фермер Хоггет тем же самым холодным тоном и шагнул в конюшню. В это время в доме зазвонил телефон, затем перестал, потому что миссис Хоггет взяла трубку.

Бейб послушно следовал за фермером в темноту конюшни. Однако там было не так уж темно, и он мог отчётливо видеть, что хозяин наставил на него чёрную блестящую трубку, и Бейб опять сел и ждал, полагая, что, наверное, это какое-то приспособление, которое выдает еду.

Какой же сюрприз появится из этих двух маленьких круглых дырочек, которые были теперь так близко от него?

В это мгновение через двор донёлся голос миссис Хоггет, зовущий мужа из открытого кухонного окна. Фермер нахмурился, опустил блестящую трубку и высунул голову из двери конюшни.

– А, вот ты где! – крикнула миссис Хоггет. – Подумать только, это из полиции звонили, из полиции, они обзванивают всех фермеров в округе, предупреждают, что какие-то собаки разбойничают, прошлой ночью на той стороне долины задрали шесть овец, их видели – большая чёрная и маленькая коричневая; они говорят, чтобы ты в них стрелял, если увидишь, ты лучше иди опять на холм и посмотри, всё ли там с нашими в порядке, хочешь, я принесу тебе ружьё?

– Нет, – откликнулся фермер Хоггет. – Всё в порядке, – сказал он.

Подождав, пока жена закроет окно, фермер скрылся в конюшне, а потом опять вышел на солнышко вместе с Бейбом.

– Сидеть, Пиг, – сказал он, но теперь его голос опять был тёплым и добрым.

Поросёнок преданно смотрел на хозяина. Фермер пригляделся и увидел прилипшие к пасти Бейба волосы, чёрные и среди них немного коричневых.

Он с удивлением покачал головой, и лицо его медленно расплылось в улыбке.

– Полагаю, ты задал им хорошую трёпку, – сказал он, переломил ружьё и вынул оттуда патроны.

Тем временем Флай сторожила стадо на дальнем пастбище. Она была очень взволнована. Она знала, конечно, что некоторые собаки нападают на овец, иногда даже те самые собаки, которые приучены пасти их. Но её Бейб такого сделать не мог. И тем не менее он был там, в самом

центре этого кошмара, запачканный кровью и склонившийся над мёртвой овцой! Что хозяин сделает с ним? А может быть, уже сделал? Но она не могла бросить этих тупиц и всё выяснить.

Флай вдруг сообразила, что, по крайней мере, они могли бы рассказать ей о том, что же произошло, если, конечно, от шока не потеряли остатки ума. Никогда прежде всю свою долгую жизнь Флай не опускалась до беседы с овцами. Ими надо командовать, как солдатами, и они всегда, как солдаты, должны повиноваться. Она с отвращением подошла к ближайшей овце, и та сразу же отпрянула от неё.

– Стоять спокойно, тупица! – гавкнула Флай. – Ну, скажи мне, кто напал на вас. Кто убил старую овцу?

– Волк, – машинально сказала овца.

Флай раздражённо зарычала. «Это что, единственное слово, которое эти придурки знают?» Она поставила вопрос иначе:

– Это поросёнок напал на вас?

– Бе-е-е-е-йб! – с воодушевлением заблеяла овца.

– Что это значит, тупица? – гавкнула Флай. – Он это был или не он?

– Волк, – сказала овца.

Флай едва сдерживала раздражение от глупости этого существа. «Я *должна* знать, что случилось, – думала она. – Бейб говорит, что надо быть вежливыми с этими лохматыми идиотками. Я попытаюсь. Я *должна* знать». Она перевела дух.

– Пожалуйста... – сказала она.

Овца, собравшаяся было щипать траву, резко подняла голову и уставилась на колли с выражением полнейшего недоумения.

– Повтори ещё ра-а-а-а-з, – проблеяла она, и несколько других овец, прислушиваясь, подошли поближе.

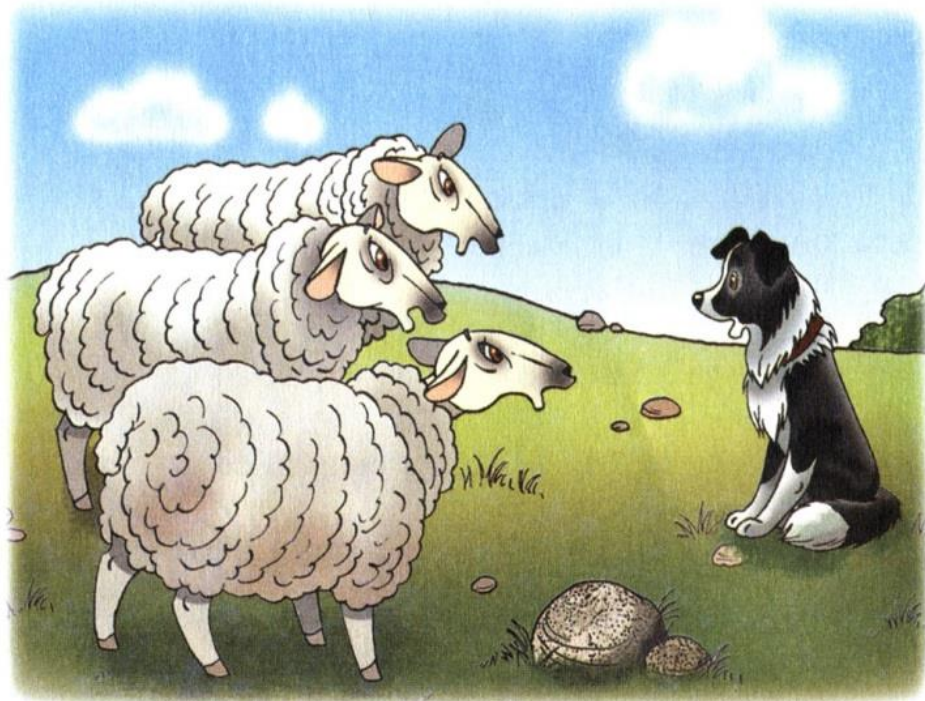
– Пожалуйста, – сказала Флай, с трудом преодолевая себя, – не будете ли вы так любезны сказать мне...

– Слушайте, – прервала её овца. – Слушайте! Внима-а-а-а-ние! – И все стадо сбежалось и сгрудилось вокруг. Они стояли тихо, разинув рты и с удивлением уставившись на колли.

«Ну не дурни ли! – подумала Флай. – Я хотела потихоньку расспросить одну, так собралось полно этих тупоголовых. Но я должна знать, я должна знать правду о моём Бейбе, какой бы страшной она ни была».

– Пожалуйста, – повторила она сдавленным от усилия быть смиренной голосом, – будьте так добры, расскажите мне, что случилось этим утром? Бейб?.. – Но она не успела продолжить, так как при одном имени поросёнка стадо разразилось всеобщим криком: «Бе-е-е-е-йб!»

Собственно, впервые в жизни слушая, что говорят овцы, Флай различала разные голоса, наперебой восхвалявшие Бейба. Это звучало как гимн в его честь. «Бейб пришё-ё-ё-ёл!», «Он нас спа-а-а-ас!», «Он прогнал волков про-о-о-чь!», «Он их наказа-а-а-ал!», «Сла-а-а-ва ему, сла-а-а-ва!».

Какое чувство облегчения она испытала, когда услышала и поняла всё, что кричали овцы! Так это были собаки-разбойники! И её мальчик пришёл на помощь! Он не злодей, он герой!

Хоггет и Бейб взбирались на холм, слышали весь этот шум-гам, и фермер послал поросёнка вперёд, опасаясь, не вернулись ли бандиты.

Под этот шум Бейб и прибыл на место действия незамеченным как раз в ту минуту, когда Флай крикнула стаду:

– О, благодарю вас! Я так благодарна вам за то, что вы мне рассказали! Вы так добры!

– Ой, мама! – сказал голос позади неё. – Что с тобой произошло?

«ВЫУЧИ ЕГО НАИЗУСТЬ»

Так как Бейб спас стадо не только от скотокрадов, но и от собак-разбойников, Хоггеты были ему многим обязаны.

Так как он был поросёнком (хотя фермер Хоггет всё чаще ловил себя на том, что думает о нём как о собаке), хозяева давали ему еду в неограниченном количестве, ведь для свиней её никогда не бывает слишком много.

Так как у Бейба была сила воли и он радовался, что может быстро бегать, он воздерживался от переедания.

Так как всегда много оставалось, Флай стала толстой, и цыплята пухленькими, и утки раздалились, а крысы и мыши весело шныряли по конюшне с туго набитыми животами.

Миссис Хоггет стала звать Бейба к чёрному ходу и угощала его лакомым кусочком, чем-нибудь таким, что, по её мнению, он особенно любит, и тут уж было недалеко до того, чтобы пустить его в дом, что однажды она и сделала.

Как-то фермер Хоггет пришёл попить чаю и обнаружил: не только Флай, но и Бейб сладко спят около плиты. Позже, когда он включил в гостиной телевизор и уселся в своём кресле, вошёл Бейб, сел рядышком, и они смотрели шестичасовые новости вместе.

– Ему это нравится, – сказал Хоггет жене, когда она вошла в комнату. Миссис Хоггет многократно кивнула, и, как обычно, у неё нашлось что сказать.

– Славный маленький парнишка, хотя маленьким его теперь не назовёшь, он так вырос, теперь он уже достаточно большой, ты знаешь для чего, но мы этого никогда не сделаем, только через мой труп, я надеюсь, ты понимаешь, о чём я говорю, взгляни на него, нам давно следовало пустить его в дом, почему бы и нет?

– Он может испачкать ковёр, – сказал фермер Хоггет.

– Никогда! – воскликнула миссис Хоггет, на протяже-

нии всей речи качая головой. – Он ни за что не напачкает, он попросится выйти, как хорошая, чистошерстная собака, у него даже больше ума, чем у собаки, да меня не удивило бы, если бы он стал пасти овец, честное слово, хотя ты, наверное, думаешь, что я ненормальная?

Фермер Хоггет усмехнулся про себя. Он не говорил жене, а сама она ещё не заметила, что всю работу теперь выполняет поросёнок. Хоггет не собирался посвящать её в свой план, заключительная часть которого состояла в том, чтобы выставить поросёнка на Большие Состязания собак-овцепасов. Это были открытые для всех желающих состязания самого высокого класса. Никогда ещё за всю его трудовую жизнь у Хоггета не было животного, подходящего для этих состязаний. Теперь наконец оно появилось, и Хоггет не собирался отказываться от реализации своего честолюбивого замысла только потому, что это был поросёнок.

Вполне возможно, через пару недель они будут состязаться с самыми лучшими собаками-овцепасами страны и, вполне возможно, появятся вот на этом самом телеэкране, который сейчас перед ними.

– Нет, ты нормальная, – сказал фермер.

«Но ты будешь порядком удивлена, когда вдруг увидишь нас по телевизору, – подумал он. – И другие тоже удивятся».

План его был прост. Он появится на Больших Состязаниях с Флай и в самый последний момент, когда будет уже слишком поздно помешать, заменит её поросёнком. Неважно, что произойдёт потом – могут дисквалифицировать, оштрафовать, отправить в тюрьму, всё что угодно, – только бы выставить поросёнка, только бы показать им всем!

И они не смогут сказать, что их не предупредили; имя заявлено в регистрационной анкете. Он человек правдивый и потому беспокоился, что вопрос поставят так: «Имя

собаки» – что тогда? Но ему повезло. В анкете было: «Имя хозяина» – ф. Хоггет; «Имя участника состязаний» – Пиг.

Всё правда.

Пастухи обычно дают своим собакам короткие имена, например Джип или Мосс; их быстрее и легче крикнуть, чем, например, «Бартоломео!» или «Вильгельмина!». И хотя могут сказать: «Пиг? Какое смешное имя», – никому и в голову не придёт, что это поросёнок и есть.

Последние две недели перед Большими Состязаниями были временем интенсивной подготовки. Только миссис Хоггет, как обычно, была занята домашними делами и ни о чём не подозревала. Прежде всего Хоггет изменил тренировочный маршрут, исключив всякие «излишества», вроде дощатого мостика через ручей, и придумал новый маршрут, наиболее приближённый к тому, который, как он полагал, мог быть на Состязаниях.

Флай, убедившись, что намерения, о которых она догадывалась, действительно претворяются в жизнь, сказала обо всём овцам; она теперь с ними ладила.

Конечно, каждый вечер перед тем, как устроиться на ночлег (всё ещё на конюшне, хотя Хоггеты были бы только рады, если бы Бейб спал в доме, такой он был воспитанный), колли и поросёнок без конца говорили о предстоящем.

Как всегда чуткий, Бейб думал не только о себе, но и о чувствах приёмной матери. Конечно, она бы, как говорится, клык отдала, только бы участвовать в Национальных Состязаниях. Ведь это мечта каждой собаки-овцепаса. А ей придётся сидеть и смотреть на него.

– Ты уверена, что не против, мама? – спросил он.

Ответ Флай был, как всегда, практичным.

– Послушай, Бейб, – сказала она. – Прежде всего, это не имело бы значения, возражаю я или нет. Хозяин собирается выставить тебя на Состязания, это несомненно. К

тому же я слишком старая и толстая, да и прежде годилась только для небольших местных состязаний. И наконец, я буду самой счастливой колли в мире, если ты победишь. А ты можешь победить.

– Ты действительно так думаешь?

– Я в этом уверена, – сказала Флай твёрдо, но всё-таки её тревожило одно обстоятельство.

Она знала, что поросёнок, каким бы быстрым он ни был, бегает всё-таки намного медленнее, чем собаки. Готовность, с которой ему повиновались овцы, возмещала этот недостаток. Они мчались через ямы и другие препятствия, никогда не допуская оплошностей; те, на которых были ошейники, выскакивали из круга с быстротой молнии, а когда надо было попасть в загон, овцы врываются туда моментально, как только хозяин открывал калитку. Но так было здесь, дома. А как будет с чужими овцами? Как они будут реагировать на Бейба? Сможет ли он наладить общение, когда времени будет в обрез?

Она решила посоветоваться с овцами и однажды вечером, когда Бейб и хозяин смотрели телевизор, побежала на холм. С того раза, когда колли вынуждена была разговаривать с ними вежливо, овцы, завидев её, больше не кричали «Волк!» и теперь собрались вокруг, внимая ей. Она была очень вежлива и тщательно подбирала слова.

– Добрый вечер, – сказала Флай. – Я хотела бы знать, не будете ли вы так добры помочь мне? У меня небольшая проблема.

И она объяснила, в чём дело, медленно и отчётливо («Всё-таки овцы бестолковые, – сказала она про себя, – и никто никогда не убедит меня в обратном»).

– Вы понимаете, о чём я говорю? Овцы там будут чужие. Я уверена, в конце концов они выполнят всё, что Бейб им велит... я имею в виду, попросит. Однако на все объяснения уйдёт немало времени. Меньше всего они ожидают встретить там поросёнка и, завидев его, могут

броситься бежать прежде, чем у него будет возможность заговорить с ними.

– Пароль, – прозвучало несколько голосов.

– Что вы имеете в виду? – спросила Флай.

– Пароль, пароль! Па-а-а-р-о-о-о-о-ль! – подхватили остальные; они произносили это слово медленно и отчётливо («Всё-таки волки бестолковые, – говорили они между собой, – и никто не убедит нас в обратном»).

– Вот что должен сделать наш Бейб, – сказала одна овца.

– Он должен заучить то, что заучили все мы ещё ягнятами.

– Вернее сказать, – добавила другая, – ягнята впитывают это с молоком матери.

– И потом, куда бы мы ни попали...

– ...на база-а-а-р...

– ...или на другую фе-е-е-ерму...

– ...нам никогда не причинят вреда-а-а-а...

– ...если мы скажем паро-о-о-ль!

– И если наш Бейб скажет этот пароль им...

– ...они ни за что не убегут!

Флай чувствовала, что терпение её иссякает, но сдерживалась, понимая, какой важной может быть эта информация.

– Пожалуйста, – попросила она тихо, – пожалуйста, не скажете ли вы этот пароль?

Наступила тишина, только головы поворачивались одна к другой. Флай могла их понять: они собирались с духом и подбадривали друг друга, ведь предстояло раскрыть вековой секрет, выдать и кому – волку! – заветные слова.

– Это для Бейба, – сказал кто-то, – для Бе-е-е-ейба.

– Ах! – сказали они все с нежностью. – А-а-а-а-а-ах!
– И затем в один голос начали речитативом:

Овца я иль баран,
Вот что я вам скажу:
Не так я глуп, не так я туп,
Как выгляжу.

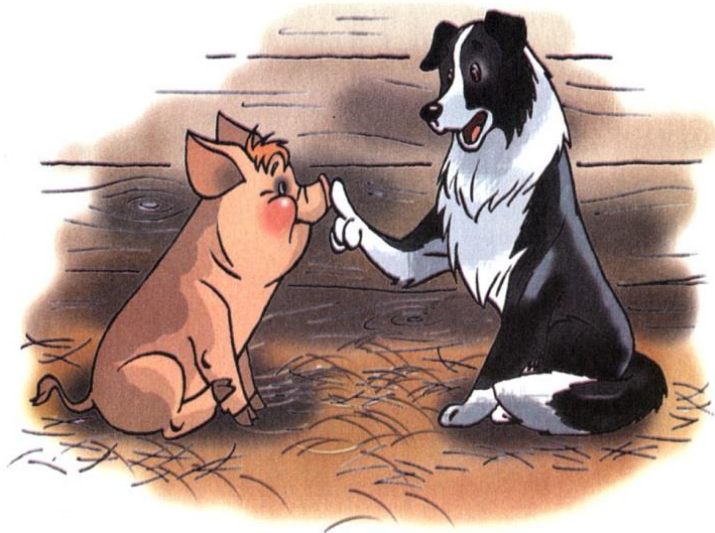
Затем, по общему согласию, они стали удаляться, пощипывая траву.

– Это он и есть? – крикнула Флай им вслед. – Это пароль?

– Да-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – донеслись приглушённые голоса.

– Но что это значит, мама? – спросил Бейб, когда вечером она ему всё рассказала. – Какой-то стишок! Я не понимаю.

– Пусть это тебя не волнует, дорогой, – сказала Флай. – Ты только выучи его наизусть. Он может сослужить тебе хорошую службу.

«ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ»

Рассвет того дня был, пожалуй, даже слишком ярким.

Деревья, дома, стога на противоположной стороне долины были ясно очерчены во всех трёх измерениях, и это означало, что будет дождь.

Фермер Хоггет вышел во двор, втянул в себя воздух и посмотрел вокруг. Потом он вернулся в дом за плащом.

Флай только взглянула на хозяина и сразу поняла: этот день настал. Собаки так долго живут с людьми, что, бывает, даже предугадывают их намерения. Она разбудила Бейба.

– Сегодня, – сказала она.

– Что «сегодня», мама? – сонно спросил Бейб.

– Сегодня день Больших Состязаний собак-овцепасов, – торжественно сказала Флай, – в которых ты, дорогой, – добавила она уверенно, – победишь! – «Только бы чуть-чуть повезло», – подумала она и нежно лизнула его в пяточок.

Она окинула поросёнка критическим взглядом, желая, как всякая мать, чтобы её дитя выглядело как можно лучше перед публикой.

– О, Бейб! – сказала она. – У тебя вся щетина грязная. Что ты с собой сделал? Словно в луже вывалялся.

– Да, вывалялся.

– Что, так и есть?

– Да, мама.

Флай чуть было не сказала, что щенята так не делают, но вспомнила, что он-то в конце концов поросёнок.

– Ничего себе – Large White, – сказала она. – Конечно, ты стал уже большим, но какого ты цвета – понять из-за грязи невозможно. Что же делать?

Ответ на её вопрос последовал немедленно.

– Идём, Пиг, – послышался со двора голос Хоггета, и, выйдя из конюшни, они увидели фермера со шлангом, скребком и с бадьёй мыльной воды.

Спустя полчаса довольный, до блеска вымытый Бейб стоял, обсыхая, а Хоггет расчёсывал кисточку его туго закрученного хвостика. Из кухонного окошка высунула голову миссис Хоггет.

– Завтрак готов, – позвала она, – но что же это такое творится с поросёнком, везёшь его на поросячье шоу или что-нибудь в этом роде, я думала, ты сегодня собираешься поехать посмотреть состязания, а глядя, как ты его начищаешь, можно подумать, ты собираешься участвовать в них, только тогда уж он не собака-овцепас, а поросёнок-овцепас, хи-хи, слыханное ли дело, я, должно быть, дурёха, хотя на самом деле это ты дурень, если повезёшь его, такого здоровенного, на бедном старом «лендровере», вон какой он стал, сиденье провалится, ты что, собираешься проделать с ним весь этот путь только для того, чтобы он смог посмотреть состязания?

– Нет, – сказал фермер Хоггет.

Миссис Хоггет, открыв рот, с минуту поразмышляла над этим ответом, поднимая и опуская брови, качая головой и барабаня кончиками пальцев по подоконнику. Затем она закрыла рот... и окно.

После завтрака она вышла посмотреть, как они отъезжают. Флай сидела рядом с фермером, Бейб удобно устроился на мягкой подстилке из чистой соломы сзади, он занимал теперь там всё пространство.

Миссис Хоггет обошла «лендровер», на прощанье ласково всех похлопывая.

– Хороший мальчик, – сказала она Бейбу. И Флай: – Хорошая девочка. – И Хоггету: – До свидания, ты взял сэндвичи и термос с кофе, и плащ, смотри, может быть дождь, вроде уже капнуло, хотя там, куда ты направляешься, может быть другая погода, это ведь за сотню миль

отсюда, кстати, достаточно ли у тебя бензина, хватит ли денег, чтобы купить, если вдруг кончится, будь осторожен, до свидания.

– В два часа, – сказал Хоггет. И прежде чем жена успела что-либо сказать, добавил: – По телику. Прямая передача, – нажал на газ и уехал.

В два часа миссис Хоггет включила телевизор и первым делом увидела в кадре, что идёт сильный дождь. Она бросилась было из дома, чтобы снять с верёвок бельё, увидела, что светит солнце, вспомнила, что сегодня и стирки-то не было, и вернулась, когда камеры показывали план маршрута. Первой в кадре появилась каменная глыба высотой с человеческий рост.

– Здесь, – раздался голос комментатора, – будет стоять каждый владелец, и отсюда каждая собака начнёт свой забег; она может пойти влево, вправо, занять позицию позади овец; сегодня собаки будут работать с десятью овцами; они будут находиться около того дальнего столба, он называется Отправным, – (камера всё время следовала за объяснениями), – и затем собака должна провести своих овец через Центральные ворота, проделать весь путь обратно к Стартовому камню, где стоит хозяин, и, обогнув его, гнать овец налево, как сейчас показывают, через Левые ворота, повернуть направо и прямо через линию своего предыдущего пробега, через Правые ворота и опять направо, в Круг, потом она выведет из Круга овец в ошейниках, затем опять соберёт всех овец вместе, и, наконец, она должна привести их в загон.

– Вот болтун! – сказала миссис Хоггет, убирая звук. – Бывают же такие говорливые, болтает и болтает об этих дурацких воротах, почему бы не показать нам зрителей, может быть, промелькнут Хоггет и Флай, без поросёнка, конечно, я надеюсь, не такой уж он дурень, чтобы разгуливать с поросёнком, не могу понять, почему он захотел

его взять, чтоб он только томился в «лендровере», уж лучше бы оставил его здесь, пусть бы сидел и спокойно смотрел телевизор, а у меня для этого нет времени, надо дела делать. – И, тяжело ступая, она пошла на кухню, сердито качая головой.

На безмолвном экране показался первый владелец, занял свою позицию около каменной глыбы, рядом под дождём стояла собака, напряжённо и нетерпеливо ожидая старта.

«МОЛОДЕЦ!»

Сотни тысяч глаз следили за этой первой собакой, но никто не следил так пристально, как Хоггет, Флай и Бейб.

Машины парковались на большом покато поле, с которого был виден весь маршрут. На достаточном удалении ото всех, в самом верхнем углу фермер поставил свой «лендровер». Из него три столь различные физиономии внимательно наблюдали за происходящим.

Условия, как сразу же увидел Хоггет, были очень трудными.

Вдобавок к дождю, из-за которого стало скользко и овцы стали упрямее, чем обычно, дул сильный ветер почти в направлении от Отправного столба к владельцу, и собака плохо слышала команды.

Чем больше старалась собака, тем строптивее становились овцы, и собака в результате сердилась пуще прежнего. Это был порочный круг. Когда, наконец, десять овец оказались в загоне и владелец, захлопнув калитку, крикнул: «Всё!», никто не удивился, что собака получила всего лишь 70 очков из 100 возможных.

Так оно и шло. Участник за участником становились около Стартового камня; это были люди с Севера и Запада, из Шотландии, Уэльса, Ирландии с собаками маленькими и большими, лохматыми и гладкими, чёрно-белыми, серыми, коричневыми, иссиня-чёрными. У одних дело шло лучше, чем у других, они вели себя спокойнее или овцы им доставались покладистее. Но всё же, по мере того как приближался черёд фермера Хоггета (ему повезло, он был последним), ещё никто не набрал более 85 очков.

Дома миссис Хоггет опять включила звук, случайно как раз в тот момент, когда комментатор говорил:

– Остался ещё один участник. Высшая оценка пока 85,

у мистера Джонса из Уэльса и его собаки Брин, весьма похвальный суммарный результат, принимая во внимание ужасные погодные условия у нас здесь сегодня. Трудно предположить, что этот результат будет превзойдён, но вот идёт последний участник.

И вдруг на экране, к изумлению миссис Хоггет, появился её муж, большими шагами идущий к Стартовому камню, а за ним по пятам шла грузная старая Флай.

– Это мистер Хоггет с Пиг, – сказал комментатор. – Немного странное имя, и к тому же, должен сказать, собака толстовата... Что это? Он отсылает собаку обратно... Что такое?.. О Боже!.. Смотрите!

И когда миссис Хоггет и сотни тысяч зрителей посмотрели, они увидели Флай, бегущую к парковке автомобилей. А оттуда под зарядившим дождём галопом мчался большой, поджарый, замечательно чистый поросёнок породы Large White.

Бейб встал точно рядом с Хоггетом и застыл как статуя; большие уши насторожены, маленькие глазки устремлены вдаль на овец.

Миссис Хоггет открыла рот, но в этот раз не проронила ни звука.

Трибуны замерли от неожиданности, а потом поднялся шум.

Камеры со всех точек показывали происходящее. Зрители – кто от изумления разинул рот, кто всю смеялся; судьи с покрасневшими лицами поспешно совещались; Хоггет и Бейб терпеливо ждали, и наконец зазвучал голос комментатора.

– Совершенно нелепая ситуация, – сказал он в замешательстве, – но, по сути, в правилах нигде не написано, что могут состязаться только собаки, и похоже, судьи обязаны разрешить мистеру Хоггету выставить на состязание эту, э-э... то есть этого поросёнка-овцепаса, я полагаю, так нам следует его называть, ха-ха! Как бы от всего этого овцы не

умчались за пределы нашего графства! По крайней мере, напоследок мы вдоволь посмеёмся!

И действительно, в этот момент раздался громкий взрыв смеха, когда Хоггет, получив весьма неохотный кивок от судей, сказал тихо: «Заходи справа, Пиг», и Бейб начал обход справа.

Хохотали и над тем, как он бежит (хотя многие заметили, что мчится он быстро), и сама мысль, что поросёнок может пасти овец, казалась чистейшим вздором, а особенно потешались над тем, как он визжал и визжал что есть мочи. Все думали, что он визжит от глупого возбуждения.

Но хотя он был взбудоражен, ужасно возбуждён и взволнован от того, что действительно участвует в Больших Состязаниях собак-овцепасов, он был далеко не глупец. Он выкрикивал слова пароля: «Овца я иль баран, вот что я вам скажу: не так я глуп, не так я туп, как выгляжу», – кричал он на бегу.

Приближался ответственный момент встречи с овцами, и он опять и опять повторял магические слова, перекрывая шум ветра и дождя, не спуская глаз с овец около Отправного столба. Они тоже уставились на него, выпучив глаза при виде приближающегося большого странного животного, но стояли неподвижно. А зрители, которые были теперь в отдалении, сразу смолкли, увидев, что поросёнок занял отличную позицию позади овец, и услышали, как изумлённые судьи дали ему 10 очков за безупречный старт.

Овцы, казалось, не верили своим ушам, и Бейб на всякий случай, чтобы уж сработало наверняка, повторил пароль ещё раз:

– «...Не так я глуп, как выгляжу», – запыхавшись, произнёс он, – и добрый день, я приношу извинения за то, что прошу вас работать в такую отвратительную погоду, надеюсь, вы простите меня?

Сразу, как он и надеялся, раздался доброжелательный рокот голосов.

- Неверо-я-я-я-я-тно! Он знает паро-о-о-о-ль!
- Какие приятные мане-е-е-е-ры!
- Не как у этих скве-е-е-е-рных волков!
- Что мы должны делать, молодой хозя-я-я-я-ин?

Торопясь, так как понимал, что время летит, Бейб сначала вежливо попросил их внимания и затем объяснил маршрут.

– И я был бы вам чрезвычайно благодарен, – сказал он, – если бы вы запомнили все эти пункты. Держитесь плотнее друг к другу, бегите ровно, не слишком быстро, не слишком медленно, и проходите точно в середине всех трёх ворот, будьте добры. Как только я войду в Круг, не могли бы те четверо из вас, на кого надеты ошейники (между прочим, они вам очень идут), выйти из этого Круга. И затем, если бы вы любезно согласились проследовать в финишный загон, я был бы вам очень признателен.

На эту речь ушло время. И у зрителей, и у судей, и у миссис Хоггет вместе с сотнями тысяч телезрителей возникло ощущение, что ничего более не произойдёт, что овцы никогда не сдвинутся с места, что всё оказалось дурацкой шуткой, которая не удалась.

Только Хоггет, спокойно стоящий под дождём около Стартового камня, был полон веры в мастерство поросёнка-овцепаса.

И вот начались чудеса.

Двигаясь друг за другом попарно, ровно, как гвардейцы на параде, десять овец направились к Центральным воротам; Бейб держался на несколько шагов позади них, спокойный, уверенный, полный достоинства. Они шли строго по направлению к Хоггету, точно посередине ворот, ни секунды не колеблясь, не отклоняясь ни на дюйм. Хоггет не произнёс ни слова, не подал никакого знака, не свистнул, не пошевелился. Овцы же обступили его так плотно, что почти касались сапог. Покончив с первой частью маршрута, они устремились к Левым воротам. И

опять ровным шагом, не глядя по сторонам, держась так плотно друг к другу, что на всех вместе можно было постелить большую скатерть, они прошли точно посредине Левых и как один повернулись к Правым воротам.

Здесь повторилось то же самое. Овцы прошли их безупречно и повернули к Кругу. Судьи всё время показывали на своих карточках максимум очков, и зрители замерли как загипнотизированные, а если переговаривались, то шёпотом, боясь спугнуть очарование.

– Ни одной ошибки!

– Точно посредине ворот!

– Красивый ровный шаг.

– А хозяин, он не сказал ни слова, не сделал ни одного движения, просто стоял там, опершись на палку.

– Да, но теперь ему придётся пошевелиться – уж ни за что не поверю, что поросёнок сможет вывести четырёх овец из десяти сам!

Круг был примерно сорок ярдов в диаметре, помеченный небольшими холмиками опилок. Овцы стояли в нём спокойно, ожидая.

За пределами Круга ждал Бейб, глядя на Хоггета.

Зрители ждали.

Миссис Хоггет ждала.

Сотни тысяч телезрителей ждали.

Когда стало казаться, что ничего больше не произойдёт, что человек почему-то потерял контроль над поросёнком, что поросёнок утратил интерес к овцам, фермер Хоггет поднял свою палку и один раз резко стукнул по Стартовому камню. В напряжённой атмосфере ожидания удар прозвучал, как пистолетный выстрел.

По этому сигналу Бейб спокойно вошёл в Круг и приблизился к овцам.

– Замечательно сработано, – сказал он им тихо. – Не представляете, как я вам всем благодарен. Теперь, если четыре леди с ошейниками будут так добры выйти из Кру-

га, когда я хрюкну, я буду им очень обязан. Затем, пожалуйста, подождите, пока мой хозяин дойдёт до финишного загона, вон там, и откроет калитку. Всё, что от вас требуется, – это вбежать туда. Вы сделаете это? Пожалуйста!

– Да-а-а-а-а, – сказали они тихо, и как только Бейб низким голосом хрюкнул, четыре овцы в ошейниках отделились от группы и спокойно, не спеша, вышли из Круга.

Затаившие дыхание, зачарованные происходящим, зрители ахнули от изумления. Они не верили своим глазам. И казалось, никто не заметил, что ветер утих, дождь прекратился. Луч солнца вдруг пробился в просвете между серых туч и упал на каменную глыбу.

Медленно, своим крупным шагом, Хоггет отошёл от неё и направился к маленькому, огороженному плетнём загону – последнему испытанию. Он открыл калитку и спокойно стоял, пока овцы в ошейниках вернулись обратно в Круг, к остальным.

Затем Хоггет лишь кивнул разок Бейбу, и все десять овец с поросёнком-овцепасом, следующим по пятам, спокойно, быстро, в стройном порядке вошли в финишный загон. Фермер Хоггет закрыл калитку.

Как только он накинул петлю верёвки на кол, все увидели отметки судей.

Сто из ста, безупречное исполнение, впервые такой ре-

зультат за всю историю Состязаний, и к тому же добились его человек и поросёнок! Все были потрясены!

Дома миссис Хоггет, как вулкан, извергала поток слов, обращаясь и к мужу, и к Бейбу, которых показывала камера, будто они и впрямь были внутри коробки телевизора в углу её гостиной, радуясь за них, восторгаясь ими, поздравляя сначала одного, потом другого, говоря им, как она ими гордится, призывая их скорее возвращаться домой, не опаздывать к ужину, будет пастуший пирог.

А зрители на Больших Состязаниях собак-овцепасов кричали, свистели, размахивали руками и подпрыгивали, пока изумлённые судьи скребли в затылке, а участники состязаний качали головами, прямо-таки не веря в происходящее.

– Замечательно! Замеча-а-а-а-ательно! Безуп-ре-е-е-е-е-чно! – блеяли десять овец в загоне.

А в стареньком «лендровере», в самом конце автомобильной стоянки, раздобревшая чёрно-белой масти колли, неистово махая пышным хвостом, заливалась лаем от радости.

Посреди этого шума и гула молча стояли рядышком две фигуры.

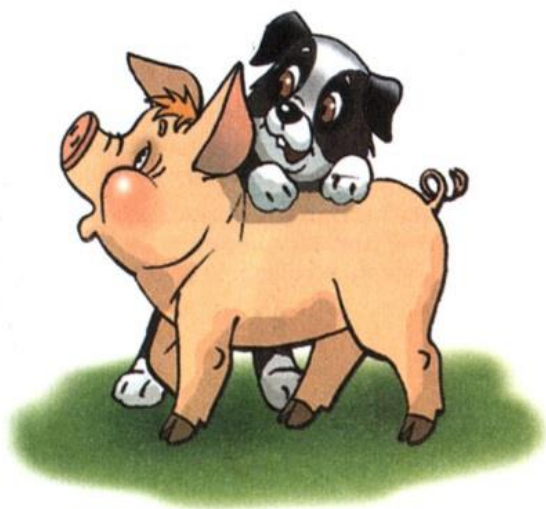
Хоггет наклонился, нежно почесал Бейба между ушами и произнёс слова, которые каждый хозяин всегда говорит своему питомцу после того, как работа завершена.

Вероятно, никто другой этих слов не услышал, а были они чистой правдой.

– Молодец! – сказал фермер Хоггет своему поросёнку-овцепасу. – Молодец!

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава первая. «Угадай мой вес!»
- Глава вторая. «Вот так. Хорошо?»
- Глава третья. «Почему бы и мне не научиться?»
- Глава четвёртая. «Ты вежливый юноша»
- Глава пятая. «Продолжай визжать, малыш»
- Глава шестая. «Хороший Пиг»
- Глава седьмая. «Что это такое — состязание?»
- Глава восьмая. «О, Ма!»
- Глава девятая. «Неужели, Бейб?»
- Глава десятая. «Выучи его наизусть»
- Глава одиннадцатая. «Этот день настал»
- Глава двенадцатая. «Молодец!»

Серия «Школьная библиотека»

Дик Кинг-Смит

ПОРОСЁНОК БЕЙБ

Для среднего школьного возраста

Перевод с английского
Маргариты Зиновьевны Арсеньевой
под редакцией Евгения Юрьевича Матусова

Художник

Аркадий Соломонович Шер

Главный редактор А.Алир
Литературный редактор Скороходова И.Ф.
Технический редактор Юдаева М.В.
Компьютерная вёрстка Володин Д.А.
Корректор Мосейчук С.П.
Ответственный за выпуск Сенюшов А.В.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.24.953.Д.011419.12.06 от 01.12.2006
Подписано в печать 20.02.2007. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Усл. п. л. 6. Гарнитура «Ньютон».
Доп. тираж 20 000 экз. Заказ № 955.

РИО «Самовар 1990»
125047, Москва, а/я 132.

Издательство «Самовар»
125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

По вопросам приобретения книг обращаться
в ООО «Атберг 98» по телефону: (495) 105-51-39.

ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР»
170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-85066-311-7

9 785850 663117 >

© 1983 by Dick King-Smith.
© М.З.Арсеньева, перевод.
© РИО «Самовар 1990», иллюстрации,
серийное оформление, 2006.
© Издательство «Самовар», 2007.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Аркадий Шер